

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ХРОНИКИ МАДЖИПУРА

«Силверберг на вершине своего творчества,
с ним никто не сравнится».

Джордж Р. Р. Мартин

Маджипур

Роберт Силверберг
Хроники Маджипура

«ЭКСМО»

1982

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Силверберг Р.

Хроники Маджипура / Р. Силверберг — «Эксмо»,
1982 — (Маджипур)

ISBN 978-5-04-111743-6

Уличный мальчишка Хиссун за свою помощь лорду Валентину получил работу государственного чиновника в Лабиринте. Теперь он клерк в Доме Записей. Его задание — организация архивов сборщиков налогов со всех континентов планеты. От этого можно впасть в уныние. Бесполезная работа — никому никогда не понадобятся его находки и результаты труда... Но в Лабиринте, рядом с Домом Записей, есть более интересное место — Регистр памяти душ. Здесь хранятся миллионы телепатически загруженных сознаний разных существ, которые жили здесь на протяжении тысячелетий. Их жизни полны рассказов о любви и потере, триумфе и падении... И по мере того как Хиссун погружается в истории тех, кто жил в другие времена, он создает свою собственную хронику — хронику Маджипура.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-111743-6

© Силверберг Р., 1982

© Эксмо, 1982

Содержание

Пролог	6
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	37
Часть II	40
Часть III	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Роберт Силверберг Хроники Маджипура

*КИРБИ,
который если и не был доведен до самых глубин отчаяния, то
безусловно дошел до его пригородов.*

Пролог

Пошел четвертый год с тех пор, как корональ лорд Валентин вернул себе похищенный у него трон. И в это время в душе Хиссуна – мальчишки, мелкого служащего в Доме Записей Лабиринта Маджипура – произошел какой-то перелом. Он уже шесть месяцев занимался инвентаризацией архивов сборщиков налогов – составлял бесконечный перечень документов, в которые никто никогда не заглядывал и не заглянет, – и было очень похоже, что этой работы ему должно было хватить еще на год, на два, а то и на три. А занятие это, как понимал Хиссун, было совершенно бессмысленным: кому и зачем могли потребоваться отчеты провинциальных сборщиков налогов, живших во времена лорда Деккерета, или лорда Калинтэйна, или даже правившего в незапамятные времена лорда Стиамота? Документы были свалены беспорядочной кучей, и, несомненно, они того и заслуживали. И вот теперь по воле какого-то злого рока Хиссун вынужден их разбирать. Он отлично понимал, насколько бесполезной и бессмысленной была его работа, из которой можно было извлечь разве что великолепный урок географии гигантской планеты Маджипур. Сколько на ней провинций! Сколько городов! Три колоссальных материка разделялись и подразделялись на тысячи муниципальных единиц с многомиллионным населением. И пока Хиссун занимался этим делом, его сознание заполняли названия и Пятидесяти Городов Замковой горы, и огромных городов Зимроэля, и таинственных поселений в пустынях Сувраэля, и провинциальных столиц, откуда в течение четырнадцати тысяч лет процветающей жизни Маджипура лился не поддававшийся воображению поток податей: Пидруид, Нарабаль, Ни-мойя, Алаизор, Стойен, Пилиплок, Пендивэйн, Амблеморн, Минимул, Толагай, Кангиз, Нату-Горвину... Сколько же их! Миллионы названий! Но когда человеку всего лишь четырнадцать лет от роду, география способна увлечь его лишь на какое-то более или менее продолжительное время, а потом начинает все сильнее и сильнее надоедать.

Хиссун все сильнее нервничал. А присущая ему склонность к озорству с каждым днем все чаще прорывалась наружу.

Неподалеку от пыльной комнатухи в Доме Записей, где мальчик разбирал и раскладывал горы налоговых отчетов, располагалось куда более интересное место – Регистр памяти душ, доступ к которому был закрыт для всех, кроме самых высокопоставленных особ империи (да и то, по слухам, не для каждого). Хиссун кое-что знал об этом месте – ему вообще было много известно о Лабиринте, даже о запретных его уголках. Вернее, прежде всего о них: ведь он уже с восьми лет почти все время проводил на улицах огромного подземного города и зарабатывал на жизнь, нанимаясь в проводники к приезжим. Бойкость и живой ум всегда помогали ему перехватить крону-другую. «Это Дом Записей, – с важным видом объяснял он путешественникам. – В нем есть комната, где хранятся воспоминания миллионов жителей Маджипура. Нужно взять капсулу, вложить ее в щель специального устройства – и внезапно словно бы становишься тем, кем оставлена запись: оказываешься во временах лорда Конфалюма или лорда Симинэйва или сражаешься вместе с лордом Стиамотом против метаморфов. Вот только попасть в эту комнату почти невозможно». И это было действительно так. Но не удастся ли ему, думал Хиссун, проникнуть туда под предлогом уточнения дат для своих разысканий в налоговых архивах. А потом побывать в миллионах сознаний, в самых различных временах – временах величайших и удивительнейших событий истории Маджипура!

Да, его работа определенно станет более терпимой, если ему удастся найти достаточно веский предлог и внедриться в Регистр памяти душ.

Ему не потребовалось долго тянуть, прежде чем мечта начала воплощаться в реальность. Он без труда смог выведать, где в Доме Записей находятся печати для документов, и потихоньку подготовил для себя все необходимые пропуска. И как-то под вечер с пересохшим от

волнения горлом и гулким звоном в ушах, охваченный возбуждением, направился по ярко освещенным извилистым коридорам к своей цели.

С тех пор как Хиссун в последний раз испытывал нечто подобное, прошло уже немало времени. Конечно, жизнь уличного мальчишки давала немало поводов для волнений, но он уже давно расстался с нею: они позволили ему вкусить блага цивилизованной жизни, приручили его, дали работу. Работу! Они! И кто такие они? Не «они», а «он» – корональ собственной персоной, вот кто! Хиссун до сих пор не переставал изумляться тому, что произошло. Давным-давно (по собственному летосчислению мальчика) лорд Валентин в чужом облике скитался по городам и материкам, а на его троне восседал узурпатор Барджазид. И когда настоящий корональ пришел в Лабиринт, Хиссун нанялся ему в проводники, каким-то образом угадав его истинную сущность. И с этого и начались перемены в жизни мальчика-бродяжки. Потом он узнал, что лорд Валентин направился к Замковой горе, а потом узурпатор был низвергнут, а потом, во время второй коронации, Хиссун, одно лишь Божество ведает почему, вдруг очутился на церемонии в замке лорда Валентина. Какое же это было время! Никогда еще прежде ему не доводилось покидать Лабиринт, видеть солнечный свет – и вот уже он едет на украшенной знаками верховного правителя парящей повозке по долине Глэйджа, минуя множество городов, которые доселе видел лишь во сне. Вскоре перед ним выросла Гора, тридцатимильная громада, парящая над поверхностью земли, словно другая планета, а потом показался и сам Замок, а еще немного позже грязный мальчишка стоял рядом с короналем и обменивался с ним шуточками. Да, это было поистине восхитительно, но то, что последовало за этим, захватило Хиссуна врасплох. Корональ почему-то решил, что мальчишка чего-то стоит, и велел готовить его к будущей государственной службе. Энергия, сообразительность и предприимчивость юного бродяжки восхищали короняля. Прекрасно! Хиссун оказался под покровительством самого короняля. Тоже прекрасно! Просто изумительно! А потом он вернулся в Лабиринт – прямиком в Дом Записей! Это было уже далеко не так прекрасно. Хиссун терпеть не мог чиновников, этих идиотов, прячущих лица под масками и плодящих бумаги в глубинах Лабиринта. И вот теперь благодаря особому покровительству короняля он сам превратился в одного из них. А он-то надеялся, что у него просто появится возможность зарабатывать на жизнь каким-то иным способом, чем экскурсии по Лабиринту для приезжих, но и представить себе не мог, что все обернется таким образом! «Отчет сборщика налогов одиннадцатого округа провинции Чорг префектуры Бибируна за одиннадцатый год царствования понт. Кинникена и кор. лорда Оссиера» – о нет, нет! Разве это жизнь?! Месяц, шесть месяцев, год, занимаясь своей «милой» работенкой в своей «милой» комнатухе в Доме Записей, Хиссун продолжал надеяться на то, что лорд Валентин вот-вот вспомнит о нем, прикажет доставить его в Замок, возьмет к себе на службу и назначит – кем? – ну хотя бы личным адъютантом... И тогда жизнь обретет наконец-то некий смысл. Но корональ, похоже, позабыл о нем, как, впрочем, и следовало ожидать. Он должен был управлять целым миром, населенным двадцатью или тридцатью миллиардами разного рода разумных существ – так разве может рассчитывать на его особое внимание какой-то мальчишка из Лабиринта?! Хиссун всерьез опасался, что лучший момент его жизни уже позади, что он пришелся на те часы, которые он провел в Горном замке, а теперь, по извечной жестокой иронии судьбы, он навсегда превратился в жалкого письмоводителя одной из канцелярий понтифекса и обречен провести всю жизнь, перебирая пыльные бумаги...

Но неподалеку существует Регистр памяти душ, и его обязательно следует изучить.

Даже если он никогда больше не выберется из Лабиринта, он сможет – только бы никто ему не помешал! – побывать в сознании давно умерших людей, исследователей, первопроходцев, воинов, даже коронялей и понтифексов. Мысль об этом несколько утешала.

Он вошел в небольшой вестибюль и предъявил пропуск дежурившему там тусклоглазому хьюрту.

Хиссун был готов к пространным объяснениям: особое поручение короналя, важнейшее историческое исследование, необходимость сопоставить демографические сведения, уточнить данные в порученных ему документах – о, подобные разговоры были его стихией, и слова готовы были потоком хлынуть с его языка. Но хьорт лишь лениво поинтересовался:

– Умеешь обращаться с аппаратом?

– Плохо помню. Лучше покажите мне еще разок.

Уродливое существо с дряблым туловищем и усыпанным бородавками лицом с бесчисленными подбородками лениво поднялось на ноги и, шаркая ногами, побрело, не оглядываясь, по короткому коридору со сводчатым потолком, неожиданно ловкими движениями пальцев отперло замок на двери, вошло в комнату и указало на экран, под которым располагались два ряда кнопок:

– Пульт управления. Закажешь нужные капсулы записей. Потом распишешься. Вставлять их нужно вот сюда. Не забудь погасить свет, когда будешь уходить.

И все? Вот так тайна! Вот так охрана!

Хиссун остался наедине с записями воспоминаний всех когда-либо обитавших на Маджипуре.

Ну, может быть, почти всех. Конечно, миллиарды жителей планеты уходили в небытие, даже и не помыслив о том, чтобы оставить капсулу с записью истории своей жизни. Но каждый, достигший двадцатилетнего возраста, раз в десять лет получал возможность внести свой вклад в это хранилище. Хиссун знал, что стеллажи, наполненные совсем крошечными, чуть больше зерна, капсулами, в которых чудесным образом хранится то, что видели, слышали и знали давно ушедшие к Источнику Всего Сущего люди, занимают чуть ли не целый ярус Лабиринта и тянутся на многие мили. Он положил руки на пульт и увидел, что пальцы дрожат.

С чего начать?

Он хотел познать все. Он хотел пересечь леса Зимроэля с первопроходцами, побывать у метаморфов, переплыть под парусами Великий океан, поохотиться на морских драконов в океане за архипелагом Родамаунт и... и... и... Он дрожал, с трудом сдерживая нетерпение и вглядываясь в кнопки. С чего начать? Можно набрать дату, место, определенную личность. Но как угадать, что следует выбрать: ведь история планеты насчитывает четырнадцать тысяч лет? Нет, тысяч восемь-девять, ведь записи, насколько ему было известно, доходили лишь до времени лорда Стиамота или, может быть, чуть ранее. Как трудно принять решение! Минут десять Хиссун просидел в полной неподвижности, не отваживаясь нажать на кнопки.

А потом набрал наобум. Что-нибудь пораньше, решил он. Континент – Зимроэль, время – правление короналя лорда Бархольда, жившего даже раньше Стиамота, личность... любая. Да, любая!

На панели появилась маленькая блестящая капсула.

Затрепетав от изумления и предчувствия, Хиссун вложил ее в отверстие, которое показал ему хьорт, и надел шлем.

Сначала он услышал неровные потрескивающие звуки. Потом перед глазами под сомкнутыми веками замелькали неясные, смазанные полосы – синие, зеленые, алые. Работает? Да! Да! Он ощутил присутствие чужого разума! Неизвестный ему человек умер девять тысяч лет тому назад, но его сознание... – ее?... да, ее!.. это была женщина, молодая женщина, – вливалось в Хиссуна до тех пор, пока он не перестал быть уверенным, кто же он на самом деле – Хиссун из Лабиринта или Тесме из Нарабая.

Негромко всхлипнув от радости, Хиссун освободился от того «я», с которым он прожил все четырнадцать лет своей жизни, и полностью отдался во власть чужой души.

Часть I

Тесме и гэйрог

Глава 1

Вот уже шесть месяцев Тесме одиноко жила в хибарке, которую построила своими руками в густых тропических джунглях примерно в полудюжине миль к востоку от Нарабалы. Сюда не долетал морской бриз, и царящая везде тяжелая влажная сырость словно покрывала эту часть мира меховой пеленой или саваном. Ей никогда прежде не приходилось заботиться о себе, и поначалу ее беспокоило, насколько успешно она с этим справится. Хижину она строила тоже впервые, но выполнила эту задачу вполне прилично: она нарезала несколько охапок тонких стволов молодых сиджаниловых деревьев, содрала с нижних концов золотистую кору, заострила их и вбила в мягкую влажную землю, а затем сплела стволы между собой длинными тонкими лианами и, наконец, закрепила на крыше пять неестественно огромных голубых листьев в рамку, которые образовали кровлю. Конечно, не архитектурный шедевр, но дождь внутрь не попадал, да и холода можно было не слишком опасаться. За какой-нибудь месяц сиджаниловые столбы укоренились, выбросили новые побеги и раскинули молодые кожистые листья прямо под потолком; похожие на виноград лианы тоже продолжали жить, свешивая мягкие красные усики, в конце концов находившие далеко внизу плодородную землю. Так что дом теперь словно ожил и, по мере того как лианы становились прочнее, а деревья все глубже запускали корни в почву, с каждым днем делался уютнее и надежнее. Тесме это нравилось. В Нарабале ничто не могло долго оставаться мертвым: слишком уж теплым был воздух, слишком ярким солнце, слишком обильными дожди, и все, лишившееся было жизни, с буйной, жизне-радостной легкостью тропиков быстро возрождалось в каком-либо новом качестве.

Одиночество тоже, как выяснилось, не слишком тяготило. Очень уж много было в Нарабале такого, от чего хотелось удрать; там жизнь Тесме пошла как-то криво и вкось: неисчислимое множество разного рода неурядиц, внутреннее смятение, друзья, превратившиеся в незнакомцев, любовники, ставшие врагами. Ей исполнилось двадцать пять лет от роду, и необходимо было приостановиться, оглянуться на прошлое, сменить темп и ритм жизни, пока ее не разнесло в клочья. Джунгли подходили для этого идеально. Тесме рано вставала, купалась в маленьком озерце, которое ей приходилось делить с покрытым коростой старым громварком и стайкой крохотных прозрачных чичиборов, ела на завтрак свежесорванные ягоды токки, помногу читала, пела, сочиняла стихи, проверяла ловушки – не попался ли кто, забиралась на вершины деревьев и принимала солнечные ванны, лежа в гамаке из лиан, снова купалась, разговаривала сама с собой и с заходом солнца отправлялась спать. Поначалу она опасалась, что ей нечем будет заняться и она скоро соскучится, но быстро убедилась, что ошибалась: время было заполнено до предела, и каждый день приходилось откладывать что-нибудь на завтра.

Она намеревалась раз в неделю ходить в Нарабаль – купить еды, подобрать новые кубики и книги, заглянуть иной раз на концерт или спектакль, навестить семью или, может быть, кого-нибудь из приятелей. И действительно, некоторое время она посещала город довольно часто. Но погода была жаркой и душной, да и дорога отнимала полдня, и, по мере того как Тесме привыкала к уединению, Нарабаль казался ей все более шумным и суматошным, а походы туда приносили все меньше и меньше удовольствия. Горожане пялили на нее глаза. Тесме знала, что к ней всегда относились как к эксцентричной, даже чуточку сумасшедшей дикарке, а теперь стали считать, что она вовсе спятила и сбежала в лес, чтобы вдали от посторонних глаз прыгать по ветвям деревьев. Так что промежутки между ее визитами в город становились все продол-

жительнее и продолжительнее; теперь она ходила туда лишь в случае крайней необходимости. К тому моменту, когда Тесме наткнулась на раненого гэйрога, она не была в Нарабале по меньшей мере пять недель.

Тем утром она забрела в заболоченное редколесье в нескольких милях к северо-востоку от своей хижины. Время от времени она отправлялась туда собирать калимботы – желтые душистые грибы. Мешок был почти полон, и Тесме уже стала подумывать о возвращении домой, как вдруг случайно заметила в нескольких ярдах от себя нечто необычное – под высоким сиджаниловым деревом неуклюже вытянулось на земле неизвестное ей существо с блестящей, отливающей металлом серой кожей и трубчатыми конечностями. Оно походило на хищную рептилию, которая некогда погубила ее отца и брата, рыбачивших в Нарабальском проливе, – гладкую, длинную, медленнодвигающуюся тварь с кривыми когтями и большими ровными зубами. Но, осторожно подкравшись поближе, Тесме разглядела, что своей массивной круглой головой, длинными руками и крепкими ногами существо отдаленно напоминает человека. На первый взгляд оно показалось мертвым, но, стоило ей подойти ближе, как существо шевельнулось и заговорило:

- Я ранен. Поплатился за собственную глупость.
- Можешь пошевелить руками или ногами? – спросила Тесме.
- Руками – да. Сломана одна нога и, возможно, спина. Ты поможешь мне?

Она нагнулась, чтобы рассмотреть существо получше. Да, сверкающая чешуя и гладкое тело делали его похожим на рептилию. Взгляд холодных зеленых глаз был немигающим. Вместо волос голову покрывала масса странных густых черных завитушек, которые медленно шевелились сами по себе. Змеевидный ярко-алый и раздвоенный язык безостановочно мелькал взад и вперед между почти незаметных губ.

- Кто ты? – спросила она.
- Гэйрог. Ты что-нибудь знаешь о нас?

– Конечно, – кивнула Тесме. На самом деле ей было известно очень мало. За прошедшее столетие на Маджипуре обосновалось несколько нечеловеческих рас – целый зверинец инородцев. Их некогда пригласил сюда корональ лорд Меликанд, так как в то время людей для заселения гигантской планеты было слишком мало. Тесме слышала о четвероруких, о двуглавых, о крошечных существах со щупальцами и о чешуйчатых чужаках со змеиными языками и змеящимися волосами, однако до сих пор никто из инородцев не забирался так далеко, до самого Нарабали, города, лежавшего на краю света, на громадном расстоянии от прочих цивилизованных мест. Так, значит, это и есть гэйрог? «Странное существо, – подумала она. – Тело почти человеческое, но тем не менее лишенное свойственных людям признаков. Чудовищная, по-настоящему кошмарная тварь и в то же время не такая уж страшная».

Она посочувствовала бедняге гэйрогу: это надо же – потеряться так далеко и от своего родного мира, и от себе подобных обитателей Маджипура! Да он еще и тяжело ранен. Что ей теперь делать? Пожелать всего хорошего и бросить на произвол судьбы? Жестоко. Отправиться в Нарабаль и организовать спасательную экспедицию? На это уйдет по меньшей мере два дня, если кто-нибудь вообще пожелает отправиться на помощь странной твари. Притащить к себе в хижину и выхаживать, пока не выздоровеет? Этот вариант показался ей самым подходящим. Но что будет с ее уединением? И как ухаживать за гэйрогом? Да и вообще, стоит ли брать на себя такую ответственность? Риск немалый – ведь он чужак, и она понятия не имеет, чего от него можно ожидать.

- Я – Висмаан, – сказал гэйрог.

Что это? Имя, титул или же он просто описывает таким образом свое состояние? Она не стала спрашивать, а произнесла в ответ то, что сказала бы любому человеку:

– Меня зовут Тесме. Я живу в джунглях; отсюда около часа ходьбы. Как, по-твоему, сможем мы туда добраться?

- Позволь мне опереться на тебя, и я попробую идти. Но... у тебя хватит сил?
- Пожалуй, хватит.
- Ты женщина, я угадал?

Из одежды Тесме носила только сандалии. Она засмеялась, чуть коснувшись груди и ягодиц, и кивнула:

- Женщина.
- Я так и подумал. Я мужчина и слишком, наверное, тяжел для тебя.

Мужчина? Низ живота и треугольник между ногами у него были гладкими, как у бесполого манекена. Хотя, подумала она, возможно, у гэйрогов половые признаки совсем не такие, как у нас. Ну а если гэйроги относятся к рептилиям, то ее новый знакомый вполне мог не определить ее половую принадлежность, даже увидев обнаженную грудь. Странно, что он вообще задал этот вопрос.

Она опустилась рядом с раненым на колени, не понимая, как он сможет подняться и идти со сломанной ногой. Он обхватил рукой ее плечи. Прикосновение заставило ее вздрогнуть: кожа существа оказалась на ощупь прохладной, жесткой, сухой и гладкой, словно на нем были надеты доспехи. Ощущение не было неприятным – всего лишь необычным. От гэйрога исходил сильный запах, чуть затхлый и горьковатый, с еле уловимым медовым оттенком. Странно, что она не почувствовала его раньше, – очевидно, решила Тесме, виной тому неожиданность происшествия. Но теперь, когда она оказалась совсем рядом с существом, на запах нельзя было не обратить внимания. В первый момент он показался ей довольно отталкивающим, но уже спустя несколько секунд она перестала замечать его.

- Держись крепче, – предупредил гэйрог, – я обопрусь на тебя.

Тесме опустилась на четвереньки – колени и локти глубоко ушли во влажную землю. К удивлению девушки, гэйрог сделал всем телом странное, тоже какое-то змеиное извивающееся движение и встал, на мгновение тяжело надавив ей на спину между лопаток, от чего у нее перехватило дыхание. Затем он, шатаясь, выпрямился и ухватился за свешивающуюся лиану. Тесме вскочила и напряглась, готовая подхватить его, если он вновь упадет. Но гэйрог устоял.

- Нога сломана, – объяснил он. – Спина повреждена, но не сломана.
- Сильно болит?

– Болит? Нет, мы почти не чувствуем боли. Проблема в трудности передвижения. Я не могу опираться на ногу. Постарайся найти для меня крепкую палку.

Тесме огляделась в поисках чего-нибудь подходящего для роли костыля и почти сразу же заметила мощный воздушный корень лианы, спускавшийся к земле. Глянцевитая черная деревяшка была толщиной почти в руку, но, как уже хорошо было известно Тесме, довольно хрупкой, так что она принялась гнуть и крутить корень и вскоре отломила от него кусок ярда в два. Висмаан крепко вцепился в костыль, обхватил второй рукой Тесме и осторожно перенес тяжесть на здоровую ногу. С огромным напряжением сделал шаг, другой, третий, старательно держа сломанную ногу на весу. Тесме показалось, что его запах изменился, стал резче, медовый оттенок почти совсем исчез, сменившись резким уксусным духом. Несомненно, это явилось следствием тех усилий, которые ему приходилось прилагать при ходьбе. Да и боль, похоже, была не такой ерундовой, как он хотел ее уверить. Но, так или иначе, он передвигался.

- Как ты сломал ногу? – спросила она.

– Я взобрался на это самое дерево – хотел осмотреть местность, а оно не выдержало моего веса.

Он кивнул в сторону тонкого блестящего ствола высокого сиджанила. Нижняя ветка – футах в сорока над головой – была сломана и держалась только на лоскутке коры. Тесме недоумевала, как он вообще уцелел, свалившись с такой высоты, а секундой спустя изумилась еще больше, вдруг сообразив, что ему удалось забраться туда по совершенно гладкому, без единой зацепки, стволу.

– Я хочу обосноваться в этих местах и заняться земледелием, – между тем сообщил гэйрог. – Ты держишь ферму?

– В джунглях-то? Нет. Я просто тут живу.

– С мужчиной?

– Одна. Я выросла в Нарабале, а сейчас решила некоторое время побыть в одиночестве. – Они добрались до мешка с калимботами, который бросила Тесме, когда заметила лежавшего на земле чужака. Подхватив мешок, она повесила его на плечо. – Можешь оставаться у меня, пока нога не заживет. Только добираться до моей хижины придется весь день. Ты уверен, что сможешь идти?

– Так ведь иду же.

– Если захочешь отдохнуть, скажи.

– Потом. Не сейчас.

И действительно, около получаса они с трудом, но без остановки двигались вперед – раненому, похоже, было при этом очень больно. Наконец он попросил передышки, но при этом остался стоять, привалившись к дереву, и пояснил, что не стоит заново производить весь сложный процесс вставания с земли. И все же Тесме казалось, что он довольно спокоен и не испытывает сильного дискомфорта, хотя, конечно, прочесть что-либо в его неподвижных чертах лица и немигающих глазах было невозможно. Судя по всему, эмоции проявлялись лишь в непрерывном стремительном мелькании раздвоенного языка, но, естественно, она и понятия не имела о том, как можно истолковать эти молниеносные движения. Спустя несколько минут они снова тронулись в путь. Идти так медленно было очень трудно, и к тому же на плечах у девушки всей тяжестью висел раненый, так что она то и дело ощущала судороги в мышцах. Все тело болело, но они упорно тащились через джунгли. Говорили они мало. Гэйрог, казалось, изо всех сил старался удержаться на ногах, а Тесме сосредоточилась на дороге, отыскивая удобные проходы и стараясь избегать ручьев и густого подлеска, которые ее покалеченный спутник не смог бы одолеть. Когда они миновали полпути до хижины, пошел теплый дождь, и весь остаток пути они брели сквозь горячий липкий туман. Когда наконец Тесме увидела впереди свою хибарку, она чувствовала себя совершенно измученной.

– Это не слишком роскошный дворец, но меня вполне устраивает, – пояснила она. – Я построила его собственными руками. Можешь лечь сюда. – Она подвела гэйрога к своей постели из собранных на земле опавших листьев занджа. С негромким шипящим звуком, в котором можно было безошибочно угадать облегчение, он опустился на мягкое ложе. – Ты, наверное, есть хочешь? – поинтересовалась Тесме.

– Не сейчас.

– Или пить? Нет? Понимаю, тебе надо немного отдохнуть. Я выйду, а ты лежи спокойно.

– Сейчас у меня не сезон сна, – ответил Висмаан.

– Не понимаю, при чем...

– Мы спим часть года, обычно зимой.

– И бодрствуете все оставшееся время?

– Да, – кивнул он. – В этом году я уже проспал свое. Понимаю, что это не похоже на людей...

– Совершенно, – согласилась Тесме. – В любом случае тебе надо отдохнуть. Ты, должно быть, страшно устал.

– Я бы не хотел выгонять тебя из твоего дома.

– Ничего страшного, – ответила Тесме и, не дожидаясь ответа, шагнула за дверь. Снова начался дождь. Привычный, почти успокаивающий дождь, моросящий каждый день по несколько часов. Она вытянулась на подушке из мягкого упругого мха и предоставила теплым дождевым струям смывать усталость с ноющей спины и плеч.

Гость. Да еще к тому же чужак. А почему бы и нет? Гэйрог казался нетребовательным, спокойным, хладнокровным даже в несчастье. Травма была явно куда более серьезной, чем он хотел это показать, поскольку даже такое относительно недолгое путешествие через лес измотало его. В таком состоянии ему не одолеть путь до Нарабаля. Тесме, правда, могла сама сходить в город и договориться с кем-нибудь насчет парящей повозки, чтобы перевезти гэйрога, но такая идея ей не нравилась. Никто не знал, где она живет, и она совсем не хотела показывать кому-либо дорогу. С некоторым смущением она вдруг осознала, что у нее нет желания избавиться от гэйрога, – наоборот, ей хочется оставить его здесь и ухаживать за ним, пока силы его не восстановятся. Она сомневалась, что кто-нибудь еще в Нарабале согласится приютить чужака, и мысль об этом наполняла ее приятным ощущением собственной порочности, позволяла и теперь оставаться непохожей на узколобых обывателей родного города. За последние год-два ей приходилось слышать множество перешептываний и сплетен о существах других рас, поселившихся на Маджипуре. Люди опасались и недолюбливали похожих на рептилий гэйрогов, гигантских неуклюжих волосатых скандаров, маленьких хитроумных многоножек – вруунов, кажется, – и прочих причудливых созданий; и пусть пока в укрывшемся на краю света Нарабале чужаков еще не видели воочию, враждебная почва для них была уже вполне подготовлена. Только эксцентричной дикарке Тесме, подумала она, ничего не стоит подобрать инородца и выхаживать его, кормить с ложечки лекарствами и супом – или что там дают гэйрогам со сломанными ногами? Она даже не представляла, как следует о нем заботиться, но это ее не останавливало. Ей вдруг пришло в голову, что за всю жизнь она вообще никогда ни о ком не заботилась: не было ни удобного случая, ни возможности. На нее, как на самую младшую в семье, никто никогда не возлагал никакой ответственности. Она не была замужем, не рожала детей, даже не держала домашних животных, не говоря уже о том, что, хотя ей пришлось пережить множество бурных романов, мысль о том, чтобы навестить заболевшего возлюбленного, даже не приходила ей в голову. Теперь она понимала, почему решила оставить гэйрога у себя в хижине, – ведь она сбежала из Нарабаля в джунгли для того, чтобы начать новую жизнь и искоренить самые отвратительные качества той Тесме, которой была прежде.

Она решила поутру отправиться в город, чтобы разузнать, если удастся, как ухаживать за больными гэйрогами, и купить лекарств и подходящей провизии.

Глава 2

В хижину она вернулась не скоро. Висмаан лежал в том же положении, в каком она его оставила: вытянувшись на спине, руки вдоль туловища, – и казалось, вообще не двигался, если, конечно, не считать непрерывного змеиного шевеления волос на голове. Неужели спит? После всех разговоров о том, что он не нуждается в сне? Она подошла поближе и всмотрелась в странную массивную фигуру на постели. Глаза гэйрога были открыты, и она видела, что они следят за ней.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Не слишком хорошо. Прогулка через лес оказалась тяжелее, чем я думал.

Она приложила ладонь к его лбу – твердая чешуйчатая кожа на ощупь показалась холодной – и сама улыбнулась нелепости своего порыва. Откуда ей знать, какая нормальная температура у гэйрогов? Бывает ли у них жар, а если и да, то как она сможет его определить? Рептилии они или нет? Поднимается ли температура у рептилий во время болезни? Внезапно желание ухаживать за существом из иного мира показалось ей полным абсурдом.

– Зачем ты трогаешь мой лоб? – поинтересовался он.

– Мы так делаем, когда человек болен. Учти, если у тебя жар, у меня тут нет никаких медикаментов. Ты понимаешь, что я имею в виду, когда говорю: поднимается жар?

– Ненормальная температура тела? Да. У меня она сейчас очень высокая.

– Больно?

– Немного. Но главная беда в том, что расстроен весь мой организм. Ты не могла бы принести мне воды?

– Конечно. А ты не голоден? Что ты обычно ешь?

– Мясо. Вареное или жареное. Фрукты. Овощи. И побольше воды.

Она принесла воды. Висмаан с трудом сел – сейчас он казался гораздо слабее, чем недавно, когда, опираясь на нее, ковылял по джунглям, – видимо, последствия тяжелых травм давали о себе знать, – и тремя большими глотками осушил чашу. Как зачарованная, она смотрела на яростное мелькание раздвоенного языка.

– Еще, – попросил он, и Тесме наполнила вторую чашу. Кувшин почти опустел, и она вышла, чтобы зачерпнуть воды из ручья. По дороге она сорвала с лозы несколько ягод токки и, вернувшись в хижину, протянула ему. Он подержал одну из сочных сине-белых ягод в вытянутой руке, словно иначе не мог сфокусировать на ней взгляд, потом, словно изучая, покатал ее между пальцами. Руки у него были почти человеческие. Тесме обратила внимание, что на каждой имелось по два дополнительных пальца, но ногти отсутствовали – по-видимому, их заменяли чешуйчатые выступы, тянувшиеся по первым двум фалангам.

– Как называется этот фрукт? – спросил он.

– Токка. В Нарабале они растут повсюду. Если понравится, я принесу сколько хочешь еще.

Он осторожно попробовал. Затем язык его замелькал быстрее, и он жадно доел остаток ягоды и потянулся за второй. Тесме с опозданием вспомнила, что токка пользуется репутацией афродизиака, но отвернулась, пряча усмешку, и промолчала. Он назвался мужчиной, а стало быть, у гэйрогов существует различие полов – но как же они занимаются сексом? Почему-то ей вдруг представилась странная картина: самец-гэйрог из некоего скрытого отверстия в теле выпускает струю семенной жидкости в чан, куда погружаются самки, чтобы оплодотвориться. Действенно, но не слишком романтично, подумала она, продолжая в то же время гадать, на самом ли деле оплодотворение у них происходит без непосредственного контакта, как у рыб и лягушек.

Она приготовила для больного еду из токки, поджаренных калимботов и маленьких многоногих нежных на вкус хиктиганов, которых ловила сетью в ручье. Вино у нее кончилось, но на днях она приготовила сок из крупных красных ягод, названия которых не знала, и сок, простояв два дня на открытом воздухе, забродил. Она налила немного гэйрогу. Его аппетиту позавидовал бы и здоровый. После того как он подкрепился, Тесме попросила разрешения осмотреть его ногу. Гэйрог ответил согласием.

Перелом оказался примерно посередине самой широкой части бедра. Под чешуйчатой кожей девушка сразу же заметила большую опухоль. Она осторожно ощупала ее кончиками пальцев. Висмаан издал еле слышный свист, но больше никак не показал, что ему больно. Тесме почудилось, что внутри бедра что-то шевелится. Сломанные концы костей? А у гэйрогов есть кости? «Как же мало я знаю, – уныло подумала она, – о гэйрогах, об искусстве исцеления... да и вообще обо всем».

– Будь ты человеком, – пробормотала она, – мы с помощью машины рассмотрели бы перелом, свели бы вместе сломанные кости и оставили их в таком положении, пока они не срастутся полностью. У твоих сородичей ничего подобного не практикуется?

– Кости срастутся сами, – отозвался Висмаан. – Я свел их вместе сокращением мышц и буду держать так, пока они не срастутся. Только мне придется лежать несколько дней, чтобы кости не разошлись. Ты не против, если на это время я останусь у тебя?

– Конечно. Оставайся, сколько понадобится.

– Ты очень добра.

– Завтра я пойду в город за припасами. Тебе что-нибудь нужно?

– У тебя есть развлекательные кубики? Музыка? Книги?

– Есть, но очень мало. Завтра могу принести побольше.

– Пожалуйста. Ночи будут очень долгими, если лежать без сна. Мой народ очень любит развлечения.

– Я принесу все, что смогу найти, – пообещала Тесме.

Она дала ему три имевшихся у нее кубика: один с записью театрального спектакля, другой с симфонической музыкой и еще один для подбора цветовой композиции – и занялась послеобеденной уборкой.

Как всегда в близких к экватору районах, ночь началась рано. Она услышала легкий шелест дождя снаружи. Обычно по вечерам она читала, пока не становилось совсем темно, а потом ложилась спать. Но нынче ночью все изменилось. В ее постели расположилась загадочная рептилия, и ей пришлось устраивать себе новое ложе на полу. К тому же впервые за много недель ей довелось так много разговаривать. Тесме испытывала непривычное напряжение и держалась настороже. А Висмаан, казалось, с головой погрузился в кубики.

Она вышла наружу, нарвала с пузырчатого кустарника две охапки листьев, потом еще столько же и уложила их на полу возле двери. Затем подошла к гэйрогу, чтобы поинтересоваться, не нужно ли ему еще чего-нибудь. Тот, не отрываясь от кубиков, лишь молча покачал головой. Пожелав ему доброй ночи, Тесме легла на импровизированную постель, вопреки опасениям оказавшуюся вполне удобной. Но уснуть никак не могла и ворочалась с боку на бок, мучаясь от ощущения стесненности и неудобства в присутствии чужака. На душе было неспокойно. И еще этот резкий запах гэйрога, заполнивший хижину. За день она как-то притерпелась и перестала обращать на него внимание, но теперь, в темноте, все ее чувства обострились, нервы напряглись еще сильнее, и запах тревожил ее подобно беспрерывно повторяющемуся звуку трубы. Время от времени она садилась в постели и всматривалась в темноту, стараясь разглядеть Висмаана, лежавшего неподвижно и молча. Но в конце концов сон все же сморил ее...

Новое утро разбудило Тесме привычной мелодией – писком и криками бесчисленного множества разнообразных существ. В открытую дверь лился свет. Проснувшись, она сначала

никак не могла сориентироваться. Такое часто происходит с человеком, если ему случается крепко спать не в своей постели. Потребовалось несколько минут, прежде чем она сообразила, где находится и почему.

Гость следил за ней взглядом.

– Ты плохо спала. Тебя тревожит мое присутствие?

– Ничего, я постепенно привыкну. Как ты?

– Не слишком хорошо, но, кажется, уже начинаю поправляться. Процесс заживления идет – я это чувствую.

Тесме принесла ему воды и тарелку фруктов. Затем вышла во влажный рассветный туман и быстро скользнула в пруд. Когда она вернулась в хижину, запах поразил ее с новой силой: контраст между свежим утренним воздухом и кисловатым резким духом, исходившим от гэй-рога, был разительным. Однако ощущение длилось недолго.

– Я вернусь из Нарабалья только к ночи, – одеваясь, сказала она. – Ты как, продержишься один?

– Да, если оставишь еду и воду, так чтобы я мог дотянуться. И что-нибудь почитать.

– У меня почти ничего нет. Но я принесу. А пока, боюсь, придется тебе поскучать.

– Может, кто-нибудь в гости заглянет...

– В гости? – обескураженно воскликнула Тесме. – Какие еще гости? Никто сюда не придет. Или ты хочешь сказать, что с тобой были еще гэйроги и они станут тебя искать?

– Нет-нет, со мной никого не было. Я подумал, может быть, твои друзья...

– У меня нет друзей, – торжественно объявила Тесме. И тут же подумала, что слова прозвучали чересчур глупо и жалобно – совсем как в мелодраме. Но гэйрог никак не отреагировал на ее слова, так что выкручиваться не пришлось. Пытаясь скрыть смущение, она принялась тщательно затягивать ремнем мешок.

Тесме была уже на пороге хижины, когда гэйрог остановил ее вопросом:

– Нарабаль очень красив?

– Разве ты его не видел?

– Я шел с другой стороны, из Тил-омона. Там мне рассказывали, как красив Нарабаль.

– Ничего особенного, – ответила Тесме. – Лачуги. Грязь на улицах. Повсюду растет виноград, и его лозы успевают за год опутать целый дом. Тебе это сказали в Тил-омоне? Ну, так над тобой подшутили. Жители Тил-омона не выносят Нарабаль. Это города-соперники. Два главных тропических порта. Если кто-то в Тил-омоне расхваливал тебе красоты Нарабалья, значит, он просто лгал, разыгрывал тебя.

– Но зачем?

Тесме пожала плечами.

– Откуда я знаю? Может, чтобы ты убрался подальше от Тил-омона. В любом случае в Нарабале нечего смотреть. Тысячу лет назад он, возможно, что-то собой и представлял, а сейчас это не более чем грязный пограничный городишко.

– И все же я хочу побывать в нем. Ты покажешь мне Нарабаль, когда я смогу нормально ходить?

– Разумеется, – кивнула она. – Почему бы и нет? Но ты будешь разочарован, уверяю тебя. Ну ладно, мне пора. Хочу добраться до города, пока еще не слишком жарко.

Глава 3

Быстро шагая по дороге к Нарабалю, Тесме представляла себе, как однажды войдет в город бок о бок с гэйрогом. Интересно, как на это отреагируют горожане? Начнут забрасывать их камнями или навозом? Будут тыкать пальцами и ржать, а заодно издеваться над ней?.. Вполне возможно. Начнут судачить о том, что чокнутая Тесме привела в город инородца. Да уж не занимаются ли они в джунглях непотребством? Тесме улыбнулась. Пройтись по Нарабалю в обществе Висмаана будет забавно. И она непременно сделает это, как только он сможет одолеть долгий путь через джунгли.

Вообще-то дорога в Нарабаль представляла собой всего-навсего едва заметную грязную тропинку, пробегавшую по немногочисленным коротким, быстро зараставшим просекам и отмеченную зарубками на деревьях в разделявших просеки перелесках. Но за то время, пока Тесме жила в джунглях, она научилась безошибочно определять направление и очень редко надолго теряла тропу. Задолго до полудня она уже добралась до окружавших город плантаций, а вскоре показался и сам Нарабаль, карабкающийся вверх по одному склону холма и сбегающий вниз, к морю, по противоположному.

Тесме не знала, кому и зачем понадобилось строить здесь город – на невероятно далеком расстоянии от всех населенных мест, в самой западной точке Зимроэля. Идея принадлежала лорду Меликанду, тому самому короналю, который, желая ускорить развитие западного континента, пригласил на Маджипур множество чужаков. Да, в царствование лорда Меликанда на Зимроэле было всего лишь два города, и они существовали совершенно изолированно от остального мира – небольшие поселения, возникшие на самом первом этапе освоения Маджипура человеком, задолго до того, как стало ясно, что основная жизнь планеты сосредоточится на другом континенте – Алханроэле. На северо-западе Зимроэля располагался Пидруид, город с чудесным климатом и отличной естественной гаванью, а вдали от него, на восточном побережье, находился Пилиплок, где обосновались охотники на морских драконов. Позднее к ним добавились два пограничных поста: Ни-мойя, воздвигнутая на берегу одной из самых больших внутренних рек континента, и Тил-омон, стоявший на краю тропического пояса западного побережья. К тому же существовало несколько поселений в горах центральной части материка, да ходили слухи, что гэйроги строят свой город в тысяче миль к востоку от Пидруида.

И еще был Нарабаль – на дождливом южном полуострове. Если стоять у края Нарабальского пролива и долго смотреть на воду, то постепенно с ужасом начинаешь ощущать, что за твоей спиной на многие тысячи миль раскинулось дикое царство девственной природы, а впереди – тысячи миль океана, отделяющего тебя от Алханроэля, где находятся другие, настоящие города. В юности Тесме пугала даже мысль о том, что она живет столь далеко от центров цивилизации – все равно что на другой планете, – а иной раз и Алханроэль, и его процветающие города казались ей не более чем мифом, а подлинным центром вселенной – Нарабаль. Она нигде не бывала, да и не надеялась побывать. Слишком велики были расстояния. Единственным городом в пределах досягаемости оставался Тил-омон, но и до него не близко. Впрочем, те, кто его видел, рассказывали, что он сильно похож на Нарабаль, только дождей там меньше и солнце постоянно висит в небе докучливым пытливым зеленоватым глазом.

В Нарабале Тесме повсюду натывалась на любопытствующие взгляды. Пялились на нее так, словно она заявила в город голой. Дикарку Тесме, сбежавшую в джунгли, знали все – ей улыбались, приветственно махали руками, расспрашивали, как идут дела... Но внешнему и, казалось бы, вполне естественному добродушию противоречили взгляды – пристальные, враждебные, с неподдельным интересом пронзавшие ее насквозь и как будто стремившиеся заглянуть в самые глубины души: «Почему ты презираешь нас? Почему ты нас сторонись? Почему ты терпишь присутствие в своем доме отвратительного чужака?» Она тоже улыбалась,

махала рукой: «Рада снова увидеть вас», «Все отлично»... А в ответ на пронзительные взгляды мысленно произносила примерно следующее: «Я никого не презираю, мне просто нужно было уйти от себя самой, а о гэйроге забочусь потому, что пришла пора и мне кому-нибудь помочь, а он как раз подвернулся под руку». Но ее никто не понимал.

В доме матери никого не оказалось. Она прошла в свою бывшую комнату, сложила в мешок книги и кубики и отыскала аптечку с лекарствами, которые, по ее мнению, могли пригодиться для Висмаана. Противовоспалительные средства, ускоряющие заживление ран, жаропонижающие... – возможно, ни одно из них не поможет чужаку, но попробовать все же стоит. Тесме бродила по дому, и все в нем казалось ей непривычным, несмотря на то что она прожила здесь всю жизнь. Деревянные полы вместо ковра из листьев, настоящие прозрачные стекла, двери на петлях, очиститель – механический очиститель с кнопками и рукоятками! – все эти признаки цивилизации, приспособления, выдуманные человечеством много-много тысяч лет назад в другом мире... И от них тоже она сбежала в свою маленькую хижину, где по стенам вьются живые побеги...

– Тесме?

Она оглянулась, застигнутая врасплох. В дверях стояла Мирифэйн, ее сестра. Они были похожи, как близнецы: та же манера говорить, то же лицо, те же длинные тонкие руки и ноги, те же прямые каштановые волосы. Только сестра была на десять лет старше; в ее распоряжении было лишних десять лет для того, чтобы смириться со своим образом жизни. Замужняя женщина, мать, обремененная множеством забот. Тесме всегда страдала при виде Мирифэйна. Словно смотрелась в зеркало и видела себя через десять лет.

– Мне кое-что нужно, – нехотя объяснила Тесме.

– А я все надеялась, что ты наконец вернешься домой.

– Зачем?

Мирифэйн начала было произносить привычную проповедь о том, что надо жить среди людей, следовать принятым в обществе правилам, заняться полезным трудом... и так далее, и все в том же духе... Но вдруг замолчала, едва начав. Тесме почувствовала, что настроение сестры изменилось. И действительно, после небольшой паузы та произнесла:

– Мы очень скучаем без тебя, малышка.

– Я делаю то, что необходимо, – ответила Тесме. – Рада была повидать тебя, Мирифэйн.

– Неужели ты даже на ночь не останешься? Мать скоро вернется, она будет рада, если ты пообедает с нами.

– Мне еще далеко идти. Я не могу задерживаться в городе.

– Знаешь, ты хорошо выглядишь. Загорела, окрепла... По-моему, отшельничество идет тебе на пользу.

– Да, несомненно.

– Собираешься и дальше жить в одиночестве?

– Мне нравится, – ответила Тесме. Она начала завязывать мешок. – А как дела у вас?

Мирифэйн пожала плечами.

– По-прежнему. Вот только я, наверное, ненадолго съезжу в Тил-омон.

– Счастливая.

– Да. Удастся хоть ненадолго вырваться из нашего болота и устроить себе маленький праздник. Холтус там работает уже около месяца над каким-то большим проектом строительства новых городов в горах для расселения всех этих инородцев, которые начинают съезжаться сюда. Он просит привезти к нему детей, вот я и поеду.

– Инородцев? – переспросила Тесме.

– Ты разве не знаешь?

– Расскажи.

– Ну, иномиряне, поселившиеся на севере, начинают проникать в наши края. Есть среди них одна раса – вроде ящеров с человеческими руками и ногами, – так они хотят заниматься фермерством в джунглях.

– Гэйроги?

– А, так ты слышала? И еще одна раса – какие-то надутые создания с лягушачьими рожами и темно-серой бородавчатой кожей. Холтус говорит, что они уже заняли все административные должности в Пидруиде – таможенных инспекторов, клерков и все в таком роде, – а теперь ищут и находят работу здесь. Вот почему Холтус и кое-кто из архитекторов Тил-омона проектируют поселения для них внутри страны.

– Чтобы и духу их не было в прибрежных городах?

– Что? А... ну, я думаю, кое-кто из них все равно тут оседет. Никто не знает, сколько их будет, но, по-моему, в Нарабале вряд ли согласятся принять слишком много иммигрантов. Да и в Тил-омоне тоже...

– Понятно, – кивнула Тесме. – Ну, передавай всем привет, я пойду обратно. Надеюсь, ты хорошо проведешь время в Тил-омоне.

– Тесме, пожалуйста...

– Что пожалуйста?

– Ты такая резкая, такая далекая и холодная! – печально сказала Мирифэйн. – Мы не виделись уже несколько месяцев, а ты с трудом выносишь мои расспросы и смотришь на меня с раздражением. Почему ты злишься, Тесме? Разве я тебя когда-нибудь обижала? Почему ты такая?

Тесме знала, что бесполезно снова все объяснять. Никто не понимал ее и никогда не поймет, и прежде всего те, кто уверял, что любит ее.

– Мири, можешь назвать это запоздалым переходным возрастом, – ответила она, стараясь придать голосу как можно больше мягкости. – Вы все очень хорошо относитесь ко мне. Но у меня все шло через пень-колоду, и мне очень нужно было смыться. – Она легонько дотронулась пальцами до руки сестры. – Может, я еще как-нибудь загляну.

– Надеюсь.

– Только скоро не ждите. Передай всем привет от меня. – Тесме вышла из дома.

Она торопливо и настороженно шла по городу, боясь встретиться с матерью или с кем-нибудь из старых знакомых, особенно бывших любовников. Она украдкой оглядывалась, как воровка, и не раз, заметив кого-либо, с кем не хотела встречаться, быстро ныряла в ближайший переулок. Разговора с сестрой оказалось более чем достаточно. Тесме не сознавала, насколько явно прорывается ее раздражение, пока Мирифэйн не сделала ей замечание. И Мири, конечно, была права. Тесме чувствовала, что остатки былой злости все еще кипят в ней. Эти люди, эти унылые маленькие людишки со своим ничтожным честолюбием, со своими маленькими страхами и маленькими предрассудками, бессмысленно проживающие день за днем, приводили ее в ярость. Они рассеялись по Маджипуру, распространились словно чума, участок за участком уничтожая не нанесенные на карту леса и загаживая необъятный океан, основывая грязные города среди удивительной красоты... Им даже в голову не приходило задаться какой-либо целью. Слепые, тупые, не способные рассуждать натуры – и это хуже всего. Никогда они не посмотрят на звезды и не зададутся вопросом: откуда взялось у обитателей Старой Земли стремление к освоению иных миров, что заставило их превращать тысячи захваченных планет в копии родного мира? Волнует ли хоть что-нибудь население Маджипура? Наверное, опустошенная, разграбленная и всеми забытая Старая Земля для них по-прежнему что-то значит. Хотя теперь она представляет собой не более чем пустую оболочку прежней планеты – разграбленной и всеми забытой. А Маджипур, несмотря на многие века обитания человечества, остается прекрасным. Но когда-то и Старая Земля наверняка была столь же великолепной. А Маджипур через пять тысяч лет превратится в ее отражение с раскинувшимися на сотни

миль городами, проносившимися повсюду нескончаемыми потоками повозок и машин, перевозивших людей и товары, с грязью в реках, истребленными животными и несчастными, обманутыми, меняющими форму, согнанными в какие-то отдаленные резервации, – со всеми старыми ошибками, перенесенными в девственный мир. Тесме это поражало до глубины души, заставляя кипеть от бешенства. Она никогда прежде не думала, что ее разлад с миром дошел до таких космических масштабов. Ей казалось, что все происходящее с нею является следствием неудач в любовных делах, расстроенных нервов, отсутствия каких-либо определенных целей, и вдруг оказалось, что ее яростная неудовлетворенность порождена несогласием со всем миром. Открытие ошеломило ее, но ярость продолжала разгораться. Ей хотелось спихнуть Нарабаль в глубины океана, но, к сожалению, это было не в ее силах – она не могла ничего изменить, не могла ни на мгновение приостановить распространение того, что здесь называли цивилизацией. Оставалось только удрать, вернуться в свои джунгли – к переплетающимся лианам, влажному сырому воздуху, к обитавшим на болотах пугливым животным, к хижине, к увечному гэйрогу, который тоже был частью затопляющего планету прилива. Но она станет заботиться о нем, даже лелеять, потому что остальным ее сородичам он мало сказать не нравился – они ненавидели его. Доброе отношение к нему еще больше увеличит пропасть между нею и ими. И главное – она ему нужна, а прежде она не была нужна никому.

Голова болела, мышцы лица свело от напряжения; Тесме шла сторбившись, но ей почему-то казалось, что, расправив плечи, она словно бы признает свое поражение, вернется к той жизни, от которой отеклась. Она удирала прочь из Нарабаля так быстро, как только могла, но лишь спустя часа два, оставив далеко позади последние городские окраины и свернув на лесную тропку, почувствовала, что напряжение понемногу спадает. Она остановилась у знакомого озера и долго плавала в его прохладной глубине, чтобы очиститься от городской скверны, а затем, небрежно перекинув через плечо городскую одежду, зашагала нагишом через джунгли к хижине.

Глава 4

Висмаан лежал, кажется, в той же позе, в какой она его оставила.

– Тебе лучше? – поинтересовалась Тесме. – Как ты тут один?

– День прошел на редкость спокойно. Только нога чуть больше опухла.

– Дай-ка взгляну.

Она осторожно ощупала ногу. Действительно распухла. Когда Тесме дотронулась до опухоли, больной слегка вздрогнул. По-видимому, боль очень сильная – ведь если верить утверждению Висмаана, гэйроги ее практически не чувствуют. Тесме задумалась... может, стоит отправить гэйрога в Нарабаль? Но он не показался ей встревоженным; к тому же Тесме сомневалась, что доктора в городе разбираются в психологии и анатомии чужаков. Кроме того, она хотела, чтобы он остался здесь. Тесме распаковала лекарства, принесенные из дома, и дала ему противовоспалительное и жаропонижающее, затем приготовила на обед фрукты и овощи. До наступления темноты она успела проверить ловушки на краю лесной поляны и обнаружила в них добычу – молодого сигимойна и пару минтунов. Она привычно свернула им шеи – в самом начале ее отшельничества ей было ужасно тяжело это делать, но без мяса не проживешь, а здесь, конечно, никто не стал бы убивать дичь за нее и для нее – и разделала тушки. Оставив мясо готовиться на костре, Тесме вернулась в хижину.

Висмаан забавлялся одним из кубиков, которые она принесла ему, но отложил в сторону, едва она вошла.

– Ты ничего не рассказала о визите в Нарабаль, – заметил он.

– Я была там недолго. Взяла, что нужно, поболтала немного с сестрой и ушла – там одно расстройство. Только в джунглях себя хорошо и почувствовала.

– Ты, похоже, сильно ненавидишь этот город.

– А он ничего другого и не заслуживает. Унылые надоедливые люди, безобразные, зажатые со всех сторон маленькие домишки... – она покачала головой. – Да, сестра говорила, что на континенте собираются строить новые города для иномирян, потому что многие из них переселяются на юг. В основном гэйроги и еще какие-то, с серой кожей и...

– Хьорты, – подсказал Висмаан.

– Мне все равно, – отмахнулась Тесме. – Мири говорила, что им нравится работать клерками и писцами. По-моему, они устраиваются во внутренних провинциях лишь потому, что никто не хочет допускать их в Тил-омон или в Нарабаль.

– Странно, а я никогда не замечал недоброжелательства людей, – заметил гэйрог.

– В самом деле? Может быть, просто не обращал внимания? Предрассудков на Маджипуре хватает.

– Мне это не бросилось в глаза. Конечно, я еще не бывал в Нарабале, и, возможно, у вас предрассудков действительно больше. Но на севере затруднений нет. Ты была на севере?

– Нет.

– Жители Пидруида встретили нас очень радушно.

– Правда? Я слышала, будто гэйроги строят для себя город где-то к востоку от Пидруида, у Большого ущелья. Если в Пидруиде у вас все было так хорошо, зачем куда-то переселяться?

– Людям не очень-то удобно жить рядом с нами, – спокойно ответил Висмаан. – Ритм нашей жизни сильно отличается от вашего, многие привычки не совпадают – в том, что касается сна, например: нам нелегко жить в городе, который засыпает на восемь часов каждую ночь, в то время как мы полны энергии. Таких различий немало. Вот почему мы основали Дюлорн. Я надеюсь, что ты когда-нибудь увидишь его. Он изумительно красив, выстроен целиком из белого камня, сияющего внутренним светом. Мы очень гордимся им.

– Почему же тогда тебе там не понравилось?

– Мясо не сгорит? – осведомился он.

Тесме залилась краской и выскочила наружу, едва успев сорвать обед с вертела. Она нарезала мясо и подала его вместе с токкой и фляжкой вина, которое купила в Нарабале. Неуклюже приподнявшись, Висмаан принялся за еду.

– Я прожил в Дюлорне несколько лет, – заговорил он немного погодя. – Но там очень сухой климат, а на своей планете я жил в теплом и сыром краю, похожем на Нарабаль. Вот я и решил поискать плодородную землю. Мои далекие предки были землевладельцами, и я подумывал о продолжении родовых традиций. Услышав, что в тропиках Маджипура можно снимать урожай шесть раз в год и имеется множество свободной земли, я отправился сюда.

– Один?

– Да, один. У меня нет жены, но я собираюсь обзавестись ею, как только обустроюсь здесь.

– И будешь продавать выращенный урожай в Нарабале?

– Да. На моей родной планете едва ли найдется неводеланный клочок земли, и все же нам с трудом удастся прокормить себя. Большую часть продуктов питания мы ввозим. Поэтому Маджипур показался нам таким привлекательным – гигантская и в то же время малонаселенная планета, по большей части девственная, обладающая возможностями для развития... Здесь я чувствую себя счастливым. И, думаю, ты не права насчет того, что твои земляки так предубеждены против нас: вы, маджипурцы, сердечный и приветливый народ, учтивый, законопослушный и опрятный.

– Пусть так. Н-да... но все равно, стоит кому-нибудь пронюхать, что я живу с гэйрогом, все будут шокированы.

– Шокированы? Почему?

– Потому что ты чужак. Потому что ты рептилия.

Висмаан издал странный фыркающий звук. Смех?

– Мы не рептилии. Мы теплокровные, мы так же, как и вы, растим детей...

– Ну, похожи на рептилий.

– Внешне – да, пожалуй. Но, уверяю тебя, мы очень близки к млекопитающим и мало чем от них отличаемся.

– Близки?

– Разница, пожалуй, лишь в том, что мы откладываем яйца. Но ведь есть и млекопитающие, поступающие так же. Ты ошибаешься, считая...

– На самом деле это ничего не значит. Люди воспринимают вас как рептилий, а человек издревле не терпел змей. Боюсь, из-за этого между нами и вами всегда будут недоразумения. Это идет еще с давних времен на Старой Земле. Кроме того... – она спохватилась, что чуть было не ляпнула о его запахе. – Кроме того, – повторила она, неловко запнувшись, – вы немного страшноватые.

– Неужели страшнее, чем огромные мохнатые скандары? Или су-сухирисы с двумя головами? – Висмаан повернулся к Тесме и уставился на нее глазами без век. – Мне кажется, Тесме, ты хочешь сказать, что сама неловко себя чувствуешь в обществе гэйрога.

– Нет.

– Предубеждений, о которых ты говоришь, я никогда не замечал. И вообще, впервые слышу о них. Мое присутствие стесняет тебя? Может быть, мне лучше уйти?

– Нет-нет, ты все понял совершенно неправильно. Я хочу, чтобы ты остался здесь. Хочу помочь тебе. Я совершенно не боюсь тебя, не испытываю к тебе неприязни, никаких дурных чувств. Я только пытаюсь объяснить тебе, какой может быть реакция жителей Нарабала, то есть какой она будет по моему мнению, и... – она сделала большой глоток из фляжки. – Не знаю, зачем мы вообще об этом заговорили. Извини. Лучше поболтаем о чем-нибудь другом.

– Конечно.

Тесме показалось, что она обидела или по меньшей мере расстроила гэйрога. При всей своей холодности и сдержанности он, похоже, был очень проницательным. Возможно, он в данном случае прав: наружу прорвались ее собственные предрассудки, предубеждение и беспокойство.

Она думала о том, что донельзя испортила отношения с людьми и, вполне вероятно, неспособна найти общий язык с кем бы то ни было – будь то человек или мыслящее существо какой-либо иной расы. И потому, сама того не желая, она дала Висмаану тысячи оснований полагать, что ее забота идет не от сердца и вызвана лишь стремлением скрыть недовольство, вызванное его присутствием здесь. Было ли это так на самом деле? Чем старше становилась Тесме, тем меньше понимала собственные побуждения. Но, какова бы ни была правда, она совершенно не хотела, чтобы он ощущал себя здесь незванным гостем, явившимся некстати. «Впредь, – решила она, – я найду способ доказать ему искренность своего желания помочь».

Этой ночью она спала гораздо лучше, чем накануне, хотя и постель из листьев пузырчатки, и присутствие в хижине постороннего все еще оставались непривычными и она довольно часто просыпалась. Каждый раз, открыв глаза, она бросала взгляд на гэйрога и каждый раз видела, что он занимается кубиком. Он же, похоже, не обращал на нее никакого внимания. Она попыталась представить себе, каково это: отсыпаться три месяца в году, а все остальное время непрерывно бодрствовать... это было в нем самой большой странностью, думала она. И вот так лежать час за часом, не имея возможности встать, не имея возможности укрыться в сон от боли в сломанной ноге, использовать любые доступные способы убить время – воистину хуже не придумаешь. А Висмаан неизменно оставался спокойным и невозмутимым. Неужели все гэйроги такие? И никогда не напиваются, не выходят из себя, не бранятся на улицах, не сетуют на судьбу, не ссорятся с близкими? Если Висмаан – типичный представитель своей расы, можно считать, что они не имеют никаких человеческих недостатков. Но ведь, напомним она себе, они и не люди.

Глава 5

Утром Тесме умыла гэйрога. Она терла его губкой до тех пор, пока его чешуя не заблестела, а затем полностью сменила его постель. Потом покормила больного и, как обычно, ушла на целый день, оставив его в одиночестве. Бродя по джунглям, Тесме никак не могла избавиться от чувства вины и то и дело спрашивала себя, не следовало ли остаться сегодня в хижине: развлекать гэйрога занимательными историями или втянуть его в беседу, чтобы избавиться от скуки. Но она была уверена в том, что, постоянно находясь рядом, они быстро исчерпали бы темы разговора и, очень вероятно, начали бы действовать друг другу на нервы. К тому же теперь у него под рукой множество развлекательных кубиков, способных разогнать любую тоску. И как знать, возможно, он тоже предпочитает одиночество. Что касается ее, то с появлением в хижине соседа она больше, чем когда-либо, испытывала потребность побыть в одиночестве и потому отправилась в дальний поход, чтобы набрать побольше ягод и съедобных корней на обед. В полдень припустил дождь, и Тесме укрылась под враммовым деревом, широкие листья которого не пропускали ни капли воды. Прислонившись к стволу, она уставилась в пространство – лес перед ее глазами превратился в расплывчатую пелену зеленоватых тонов – и выбросила из головы все мысли: чувство вины, сомнения, страхи, воспоминания, гэйрога, семью, бывших любовников, свои несчастья, свое одиночество. На нее снизошел мир, и в этом состоянии она оставалась до самого вечера.

Она все больше привыкала к постоянному присутствию рядом Висмаана. А тот оставался все таким же спокойным и нетребовательным, развлекался при помощи кубиков и с великим терпением переносил неподвижность. Он редко задавал ей вопросы или заводил какой-нибудь разговор, но вполне дружелюбно откликался на любое обращение к нему. Он рассказывал Тесме о родной планете – убогом и перенаселенном мире, о том, как он жил там, о своей мечте обосноваться на Маджипуре, о волнении, которое испытал, впервые увидев его красоту. Тесме попыталась определить признаки волнения у гэйрога. Возможно, ими служат резкие движения его змеевидных волос вместо обычного плавного покачивания. А быть может, эмоции проявляются в изменении запаха.

На четвертый день Висмаан впервые покинул кровать. Опираясь на плечо Тесме, он встал на здоровую ногу и осторожно прикоснулся больной ногой к земле. Девушка ощутила, что его запах внезапно усилился и стал резче – человек в такой ситуации непременно бы вздрогнул, – и решила, что ее теория, видимо, верна и гэйроги проявляют эмоции именно таким образом.

– Ну и как? – спросила она. – Больно?

– Вес тела она еще не выдерживает. Но уже срастается. Еще несколько дней, и, думаю, я смогу стоять. Знаешь что, помоги мне немного прогуляться. А то я, похоже, уже заржавел от неподвижности.

Он тяжело оперся на ее плечо, они вышли из хижины и медленно, осторожно добрались до пруда и обратно. Прогулка явно пошла гэйрогу на пользу. К своему удивлению, Тесме вдруг обнаружила, что первое проявление успешного лечения ее опечалило: скоро – через неделю или две – ее подопечный достаточно окрепнет, чтобы уйти, а она этого не хотела. Нежелание расставаться с ним показалось Тесме настолько странным, что она удивилась самой себе. Ей не терпелось вернуться к прежней отшельнической жизни, снова спать в собственной постели и гулять в свое удовольствие по лесу, не заботясь о том, скучает ли ее гость, не переживая по поводу его состояния... Постоянное присутствие гэйрога раздражало ее все больше. И все же... И все же... И все же мысль о том, что он вскоре покинет ее, волновала и удручала. «Как странно все это, – думала она, – и как это похоже на Тесме».

Теперь они выходили на прогулку по несколько раз в день. Висмаан все еще не мог наступать на сломанную ногу, но с каждым разом передвигался все легче. Опухоль, говорил он,

постоянно уменьшается, и кость, похоже, срастается правильно. Он начал говорить о ферме, которую построит в этих местах, о посевах, о расчистке участка в джунглях.

Как-то под вечер в конце первой недели Тесме, возвращаясь из похода за калимботами – она ходила на то самое болото, где недавно нашла раненого гэйрога, – задержалась, чтобы проверить ловушки. Почти все они были пусты, попало лишь несколько мелких зверьков, но из кустов неподалеку от пруда доносился необычный довольно сильный шум. Подойдя поближе, она обнаружила, что поймала билантуна – самое крупное животное из всех, которые когда-либо попадались в ее ловушку. Билантуны водились по всему западному Зимроэлю – изящные небольшие стремительные животные с острыми копытами, стройными ногами и крошечным вздернутым пушистым хвостиком, – но нарабальская порода была просто гигантской, вдвое крупнее изящной северной разновидности. Животное было высотой в половину человеческого роста и ценилось за нежное и вкусное мясо. Первым порывом Тесме было отпустить симпатичного зверя на свободу: слишком уж он красив, чтобы вот так взять и спокойно его убить, да и слишком велик. Она приучила себя резать мелочь, которую могла легко удержать одной рукой, но совсем другое дело – билантун: крупное благородное животное, наверняка ценящее жизнь, с умным взглядом, со своими надеждами, стремлениями и разочарованиями... вполне возможно, где-нибудь поблизости тоскует о нем подруга. Тесме обозвала себя душой. И дроли, и минтуны, и сигимойны тоже, наверное, любили жизнь, и уж конечно не меньше, чем этот билантун, а она убивала их без колебания. Романтические чувства по отношению к животным неуместны – она это знала еще по опыту своей цивилизованной жизни, когда с удовольствием ела мясо животных, убитых чужими руками. И тяжелая утрата, которую понесла подруга билантуна, в те времена не имела для нее ровно никакого значения.

Подойдя поближе, она увидела, что билантун в панике сломал одну из своих хрупких ног, и на какое-то мгновение ей захотелось вылечить и приручить его. Но это было еще большей глупостью. Она не могла брать к себе всех калек, которые попадутся ей в джунглях. Билантун ни в коем случае не позволит ей спокойно осмотреть больную ногу и наложить шину, ну а если ей даже каким-то чудом и удастся это сделать, он, конечно, удерет от нее при первой же возможности. Набрав полную грудь воздуха, Тесме сзади подошла к бьющемуся животному и одним движением перерезала длинную изящную шею.

Разделка туши оказалась куда более трудным и кровавым делом, чем Тесме предполагала. Она мрачно рубила мясо, как ей показалось, несколько часов, пока наконец Висмаан не поинтересовался из хижины, чем она занимается.

– Готовлю обед, – ответила она. – Сюрприз. Фирменное блюдо: жареный билантун!

Она негромко хихикнула. Эта фраза, должно быть, прозвучала так женственно, почти по-семейному, – и не подумаешь, что она сидит здесь на корточках, голая, с ног до головы перепачканная кровью, распиливая ножом кости, а на ее кровати в хижине лежит, дожидаясь обеда, похожее на рептилию существо, пришедшее из другого мира.

В конце концов она покончила с этим омерзительным занятием, насадила мясо на вертел, развела, как полагается, дымный костер, вымылась в пруду, перебрала ягоды токки, кинула в котел с водой немного корней гумбы и открыла одну из фляжек нарабальского вина, а потом, немного подумав, еще одну. К наступлению сумерек обед был готов, и Тесме испытывала огромную гордость своими достижениями.

Она ожидала, что Висмаан, по своему обыкновению, будет есть молча, флегматично, но ошиблась: впервые ей показалось, что она заметила признаки оживления на его лице – непривычный блеск в глазах, какие-то еще не знакомые движения языка. Теперь она сможет лучше разбираться в проявлениях его эмоций. Он с удовольствием жевал жареное мясо, хвалил его аромат и вкус и несколько раз просил добавки. Подавая ему очередной кусок, Тесме каждый раз брала порцию и себе, впихивая в себя мясо до тех пор, пока не насытилась до отвала. Но

она продолжала есть, уговаривая себя тем, что все не съеденное сейчас к утру, скорее всего, испортится.

– Мясо очень хорошо с токкой, – заметила она, закинув в рот очередную голубовато-белую сочную ягоду.

– Да. Дай еще, пожалуйста.

Он неумоимо поглощал все, что ставила перед ним Тесме. В конце концов она уже была не в состоянии не только есть сама, но даже видеть, как продолжает делать это гэйрог. Подвинув все, что осталось, так, чтобы он мог дотянуться, она большим глотком прикончила вино и чуть вздрогнула и рассмеялась, когда несколько капель стекли с подбородка ей на грудь. Тесме растянулась на куче листьев пузырчатки. Голова кружилась. Она уткнулась лицом в подстилку, прижалась к ней всем телом и слушала, как Висмаан откусывает и жует и снова откусывает и жует... и еще... и еще... Наконец все стихло...

Тесме лежала в ожидании сна, но он не приходил. Голова кружилась сильнее и сильнее, и девушка всерьез опасалась, что ее вот-вот швырнет через всю хижину, словно это была не лачуга из веток, а центрифуга. Ее кожа блестела от пота, а соски затвердели и налились. Я слишком много выпила, подумала она, и съела слишком много токки, по меньшей мере дюжину ягод, да еще с семечками, а так они действуют сильнее всего – и теперь их возбуждающий сок клокочет в моем мозгу.

Она не хотела спать одна, обнимая бесстрастный земляной пол.

Старательно удерживая равновесие, Тесме поднялась на колени, задержалась на секунду-другую, чтобы не упасть, и медленно подползла к кровати. Она смотрела на гэйрога, но перед глазами у нее все расплывалось, и она видела перед собой только нечеткий контур его тела.

– Ты спишь? – прошептала она.

– Ты же знаешь, что я не могу спать.

– Ну, конечно, конечно. Я говорю глупости.

– Что-нибудь не так, Тесме?

– Не так? Нет, ничего особенного. Все так. Кроме... ну, только... – Она задумалась, подыскивая слова, которые никак не хотели находиться. – Знаешь, я пьяная! Ты понимаешь, что значит пьяная?

– Да.

– Мне не нравится лежать на полу. Можно, я лягу рядом с тобой?

– Если хочешь.

– Я должна быть очень осторожна, – бормотала она, – чтобы не задеть твою больную ногу. Покажи мне, которая из двух.

– Тесме, она уже почти срослась. Не беспокойся. Ложись.

Она почувствовала, как его пальцы обхватили ее запястья и потянули. Тесме словно всплыла вверх и легко подкатилась ему под бок. От груди до бедра она ощущала прикосновение его странной, твердой, на ощупь напоминающей морскую раковину, кожи, такой прохладной, такой чешуйчатой, такой гладкой... Она робко провела рукой по его телу. Похоже на дорогой чемодан, подумалось ей. Слегка надавив на кожу кончиками пальцев, Тесме ощутила под твердой поверхностью мощные мышцы. Его запах изменился, становясь все более пряным и резким.

– Мне нравится, как ты пахнешь, – промурлыкала она, потираясь лбом о его грудь, а потом крепко прижалась к нему всем телом. Уже много месяцев, почти год, в ее постели никого не было, и как приятно сейчас ощущать рядом чье-то присутствие. Пусть гэйрог, думала она. Ну и что, что гэйрог? Только бы быть рядом, дотрагиваться... Это так хорошо...

Он прикоснулся к ней.

Тесме была застигнута врасплох. До сих пор их отношения складывались так, что она ухаживала за ним, а он пассивно принимал ее заботу. Внезапно его ладонь – непривычно про-

хладная, чешуйчатая, гладкая – пробежала по ее телу: слегка пощекотала грудь, скользнула по животу, спустилась ниже, задержалась в основании ног... Что бы это значило? Неужели Висмаан собирается заняться с ней любовью? Она мысленно представила себе его лишенное каких-либо половых особенностей тело. А он продолжал гладить ее. Это уже чересчур, думала она. Даже для Тесме, сказала она себе, это чересчур. Он же не человек. А я...

А я очень одинока...

А я совершенно пьяна...

– Еще, пожалуйста, – чуть слышно шепнула она. – Еще...

Тесме хотела только, чтобы гэйрог и дальше продолжал ее ласкать. Но он, подсунув руку ей под плечи, легко приподнял девушку и положил на себя. Тесме почувствовала, как к ее животу прижалась – нет, она не могла ошибиться! – твердая мужская плоть. Возможно ли такое? Наверное, его член скрыт где-то под кожей и появляется лишь в случае необходимости?.. Неужели он намерен?..

Сомнений у нее не оставалось.

Похоже, он хорошо знал, что следует делать. Будучи порождением чужого мира, гэйрог при первой встрече даже не смог с уверенностью определить пол находившегося перед ним обнаженного человеческого существа, и тем не менее он имел достаточно ясное представление о сексуальных отношениях людей. Тесме на несколько мгновений охватили ужас и отвращение. Потрясенная, она лишь гадала, сильно ли пострадает ее лоно, если он – а что если таковы нравы этих существ? – любит причинять боль. И еще ее не оставляла мысль о чудовищности происходящего, о противоестественности совокупления человека и гэйрога и о том, что в истории вселенной до сих пор ничего подобного, скорее всего, не случалось. Ей вдруг захотелось вырваться из его объятий и убежать, раствориться в темноте. Но слишком сильно кружилась голова, слишком много она выпила и была слишком смущена, чтобы действовать решительно... а главное, Тесме вдруг осознала, что Висмаан не причинил ей ни малейшей боли, что его член со спокойной уверенностью часового механизма мягко скользит внутри ее и что расходящиеся по телу волны удовольствия заставляют ее содрогаться и задыхаться от наслаждения и она невольно все крепче прижимается к гладкому кожистому панцирю...

Тесме отдалась во власть чувств и в миг высшего взлета не смогла сдержать крик экстаза, а потом, все еще дрожа и негромко всхлипывая, долго лежала, прильнув к груди Висмаана и постепенно приходя в себя. Хмель как рукой сняло. Она сознавала, что сделала, и это поразило ее, но больше позабавило: «Скушай-ка это, Нарабаль! У меня любовник – гэйрог!» А удовольствие, которое она испытала, было настолько потрясающим, настолько изумительным! Но получил ли он удовольствие? Спросить об этом Висмаана девушка не отваживалась. Как задать гэйрогу подобный вопрос? И вообще, знают ли они, что такое оргазм? Имеет ли для него хоть какой-то смысл само это понятие? Она пыталась угадать, приходилось ли ему прежде заниматься любовью с женщинами человеческой расы. И тоже не смела спросить. Висмаан действовал абсолютно правильно – не так, как искушенный любовник, нет... Он, несомненно, отчетливо представлял себе, что нужно делать, и в области сексуальных отношений обладал, пожалуй, большими знаниями, чем многие знакомые Тесме мужчины, – то ли он уже имел опыт общения с женщинами, то ли его ясное холодное сознание способно было без труда определить особенности и требования их анатомии. Этого она не знала и сомневалась, что когда-либо узнает.

Висмаан не проронил ни звука. Девушка крепко обняла его и провалилась в глубокий сон, какого не знала уже на протяжении нескольких недель.

Глава 6

Утром Тесме было не по себе, но раскаяния она не испытывала. О произошедшем между ними той ночью не было сказано ни слова. Висмаан развлекался своими кубиками. На рассвете Тесме отправилась к пруду, чтобы поплавать и успокоить пульсирующую в голове кровь, потом навела порядок в хижине после вчерашнего банкета, приготовила завтрак и отправилась куда глаза глядят на север. Наткнувшись на маленький, поросший мхом грот, девушка просидела в нем почти до полудня, вновь и вновь вспоминая испытанные ночью ощущения – прикосновения, вздохи и мощные содрогания экстаза, равных которым она еще не знала. Даже покрывив душой, Тесме не могла сказать, что находит Висмаана хоть сколько-нибудь привлекательным: раздвоенный змеиный язык, волосы, напоминающие шевелящихся живых змей, покрытое чешуей тело... Нет-нет, то, что случилось вчера вечером, никак не связано с физическим влечением – в этом она уверена. Тогда почему это произошло? Причиной всему – вино и токка, да еще ее одиночество и в довершение всего – протест против привычной системы ценностей обывателей Нарабалы. Отдаться гэйрогу! Ничего лучше и не придумаешь, чтобы бросить вызов всему, во что эти людишки верили! Но конечно, такой вызов не будет иметь никакого смысла, если те, кому он предназначен, о нем не узнают. А потому, как только Висмаан будет в состоянии совершить поход в Нарабаль, они непременно отправятся туда вместе.

После той ночи они стали спать в одной постели, и им это казалось совершенно естественным. Но ни на вторую, ни на третью, ни на четвертую ночь они не занимались любовью – просто лежали рядом, не прикасаясь друг к другу, даже не разговаривая. Протяни Висмаан хотя бы руку, Тесме с готовностью отдалась бы ему, но он не проявлял никакой инициативы. А сама она не решалась придвинуться ближе. Молчание начало ее тяготить, но она опасалась нарушить его, боясь услышать что-нибудь такое, чего ей не хотелось бы слышать: что он испытывает отвращение к человеческой манере сексуальных связей или что он расценивает такое поведение как непристойное и неестественное и пошел на это однажды потому только, что она вела себя чрезмерно настойчиво или же что он знал, что она не испытывала никакого истинного влечения к нему, а просто использовала его для укрепления своих позиций в продолжающейся войне против общества и его нравов. В конце недели, обеспокоенная невысказанными сомнениями и нараставшей напряженностью в их отношениях, Тесме, забираясь в кровать, рискнула как бы случайно прижаться к нему, а он без малейшего колебания легко и охотно обнял ее. В последующие ночи их занятия любовью происходили как бы случайно и непреднамеренно, близость превратилась в нечто тривиальное, обыденное – в ритуал, которому они иногда следовали перед сном и в котором тайны или волшебства оставалось не больше, чем в любом ритуале такого рода. Но каждый раз Тесме испытывала огромное наслаждение и вскоре совершенно перестала замечать нечеловеческую чуждость его тела.

Висмаан уже ходил без помощи и каждый день уделял все больше времени гимнастике. Сначала вместе с Тесме, а затем и самостоятельно он изучал тропинки в джунглях. Первое время он передвигался с превеликой осторожностью, но вскоре уже почти перестал хромать. Плавание, похоже, тоже шло ему на пользу – он часами барахтался в маленьком пруду Тесме и тем невероятно раздражал громварка, жившего в норе, вырытой в глинистом берегу: медлительное старое существо выползало из своего убежища, растягивалось возле кромки воды, словно забытый кем-то полупустой потрепанный щетинистый мешок, хмуρο взидало на гэйрога и не возвращалось в воду до тех пор, пока Висмаан не выбирался на берег. Тесме утешала старожилу пруда, принося ему нежные зеленые побеги, которые срывала выше по течению питавшего пруд ручейка – за пределами досягаемости коротких лапок громварка.

– Когда же ты отведешь меня в Нарабаль? – однажды дождливым вечером поинтересовался Висмаан.

– Хоть завтра, – ответила она.

Той ночью Тесме очень волновалась и все теснее прижималась к гэйрогу.

Они вышли на рассвете. Шедший поначалу несильный дождь вскоре прекратился и уступил место блеску солнца. Поначалу Тесме старалась идти очень медленно и осторожно, но быстро поняла, что гэйрог совершенно здоров, и продолжила путь уже своим обычным стремительным шагом. Для Висмаана не составляло ни малейшего труда поддерживать его темп. Она все время болтала – сообщала ему названия всех попадавшихся на пути растений или животных, потчевала его отрывками из истории Нарабаля, рассказывала о своих братьях, сестрах и городских знакомых. Ей отчаянно хотелось, чтобы их заметили – смотрите, смотрите, это мой любовник-гэйрог, я спала с ним! – и, едва они добрались до предместий, она стала оглядываться вокруг, надеясь увидеть хоть кого-нибудь знакомого. Но на пригородных фермах в тот день, похоже, никого не было, а тех, кто попадался на глаза, она никогда прежде не встречала.

– Видишь, как они смотрят на нас? – шепнула она Висмаану, когда они вступили в более населенный район. – Они боятся тебя. Они считают тебя первой ласточкой какого-то вторжения иных рас. И никак не могут понять, а что я-то делаю рядом с тобой, почему мы с тобой идем вместе и разговариваем между собой.

– Я не замечаю ничего подобного. Да, моя внешность их удивляет. Но я не вижу никакого страха, никакой враждебности. Может быть, это потому, что я плохо разбираюсь в выражениях человеческих лиц? Я-то думал, что научился довольно хорошо понимать их.

– Подожди и увидишь, – пообещала Тесме, хотя в глубине души должна была признать, что, возможно, немного преувеличивала. А может быть, и больше, чем немного. Они дошли уже почти до центра Нарабаля. Кое-кто действительно глядел на гэйрога с удивлением и любопытством, но напряженное выражение лица быстро смягчалось; другие просто кивали и улыбались, словно встреча на улице родного города с существом из иного мира была для них самым обычным делом. Проявлений настоящей враждебности Тесме не заметила вовсе. И это ее возмутило. Эти благопристойные приятные люди, эти добропорядочные любезные люди реагировали совсем не так, как она того ожидала. Даже когда она наконец встретила знакомых – Канидора, лучшего друга старшего из ее братьев, Хеннимонта Сиброя, управляющего небольшой прибрежной гостиницей, и женщину из цветочной лавки, – все они совершенно спокойно восприняли ужасные, как ей казалось, слова Тесме:

– Это Висмаан, он жил со мной последнее время.

Канидор улыбнулся, словно всегда знал, что Тесме относится к тем людям, которые делят кров с существами из иного мира, и заговорил о новых городах для гэйрогов и хьортов, которые намеревался строить муж Мирифэйн. Управляющий гостиницей весело потряс руку Висмаана и пригласил его к себе выпить вина. А цветочница несколько раз повторила:

– Как интересно, как интересно! Мы надеемся, что вам понравится наш городок!

Тесме ощущала снисходительность, скрывавшуюся за их веселостью. Ей казалось, что они сговорились не позволять ей шокировать себя, словно уже заранее смирились со всеми дикими выходками этой девчонки и теперь были готовы воспринять любой ее поступок без удивления и даже без комментариев. Возможно, они неправильно истолковали характер ее отношений с гэйрогом и думали, что он просто-напросто снимал у нее угол, – ведь никто из них не знал, что в ее круглой хижине вовсе не было углов. А удалось бы ей вызвать у них ту реакцию, которой она ожидала, если бы она прямо объявила, что они были любовниками, что она принимала его плоть в свое лоно, что они, два существа, принадлежащие к разным расам, занимались невероятной, немыслимой, противоестественной любовью?

Кто знает, возможно, и нет. Быть может, даже предайся они с гэйрогом совокуплению прямо посреди площади Понтифекса, их поступок не вызвал бы никакого волнения в этом дурацком городишке, хмурясь, думала Тесме.

А понравился ли Нарабаль Висмаану? Ей, как всегда, было трудно понять его эмоции. Они переходили из улицы в улицу, шли по беспорядочно разбросанным площадям, мимо больших лавчонок, маленьких кривобоких домишек с разросшимися неухоженными садами... и он почти все время молчал. Она ощущала в его молчании разочарование и неодобрение и, несмотря на всю свою ненависть к Нарабалу, почувствовала желание защищать родной город. Это было, в конце концов, достаточно молодое поселение, передовая застава, затерявшаяся в глухом углу второразрядного континента, и здесь успели прожить лишь несколько поколений.

– Ну и как? – наконец не выдержала она. – Похоже, Нарабаль не слишком впечатлил тебя?

– Ты же предупреждала меня, чтобы я не ожидал слишком многого.

– Но он оказался еще хуже, чем я тебе рассказывала, не так ли?

– Он кажется мне маленьким и неухоженным, – ответил Висмаан. – После того, как увидишь Пидруид или хотя бы...

– Пидруиду уже тысяча лет.

– ...Дюлорн, – продолжал он, как будто не заметив ее реплики. – Дюлорн необычайно красив даже сейчас, когда он еще не достроен до конца. Но, конечно, белый камень, который там использован...

– Да, – согласилась Тесме. – Нарабаль тоже нужно было строить из камня, потому что климат здесь настолько влажный, что деревянные дома быстро начинают гнить и разваливаться, но для этого не было времени. Когда население увеличится, мы сможем устроить каменистые холмы в горах и сделать здесь нечто изумительное. Через пятьдесят лет, а может быть, через сто, когда у нас будет достаточно рабочей силы. Может быть, если удастся заманить сюда на работу хоть сколько-нибудь этих гигантских четвероруких иноземцев...

– Скандаров, – подсказал Висмаан.

– Да, скандаров. Почему бы короналю не прислать к нам тысяч десять скандаров?

– Их тела покрыты густой шерстью. Здешний климат будет слишком тяжел для них. Но, несомненно, здесь поселятся и скандары, и врууны, и су-сухирисы, и много-много гэйрогов – выходцев, как и я, из стран с влажным климатом. Ваше правительство решилось на очень смелый поступок, приглашая в таких количествах переселенцев из иных миров. Другие планеты не настолько богаты землей.

– Другие планеты не настолько велики, – возразила Тесме. – Кажется, я где-то слыхала, что, даже если не считать все огромные океаны, которые у нас есть, площадь одной только суши Маджипура в три или в четыре раза больше полной площади любой другой населенной планеты. По крайней мере, что-то в этом роде. Нам очень повезло, что у такого огромного мира достаточно слабая гравитация, чтобы люди и гуманоиды могли свободно жить здесь. Конечно, мы платим за это высокую цену – почти не имеем тяжелых элементов, но все же... О, привет!

Тесме резко сменила тон, и в голосе ее прозвучали растерянность и тревога. Худощавый, очень высокий молодой человек со светлыми волнистыми волосами, выскочивший из дверей банка на углу, чуть не налетел на Тесме и ошеломленно замер, уставившись на нее. А она тоже застыла на месте. Это был Рускелорн Юлван – ее любовник на протяжении последних четырех месяцев перед побегом в джунгли, из всех жителей Нарабали именно тот человек, кого она меньше всего хотела встретить. Но, раз уж столкновение неизбежно, почему бы не обернуть ситуацию в свою пользу? Ей удалось первой оправиться от замешательства.

– Ты хорошо выглядишь, Рускелорн, – сказала она, забирая инициативу в свои руки.

– И ты тоже. Жизнь в джунглях, судя по всему, идет тебе на пользу.

– Ты прав. Это были самые счастливые семь месяцев за всю мою жизнь. Рускелорн, это мой друг Висмаан. Он жил со мной несколько последних недель. Он искал место для фермы неподалеку от моей хижины, и с ним произошел несчастный случай: упал с дерева и сломал ногу. Вот я и ухаживала за ним.

– Полагаю, что очень умело, – спокойно ответил Рускелорн Юлван. – Похоже, сейчас он в полном порядке. Рад познакомиться, – приветствовал он гэйрога, и тон его не позволял усомниться в искренности этих слов.

– В той части его планеты, где он жил раньше, – продолжала Тесме, – климат был точно такой же, как у нас в Нарабале. Он сказал мне, что через несколько лет здесь, в тропиках, поселятся многие его соплеменники.

– Я тоже слышал об этом, – отозвался Рускелорн Юлван и усмехнулся: – Вы увидите, насколько здесь плодородная земля. Съешьте ягоду за завтраком и бросьте косточку, и к вечеру на этом месте вырастет лоза высотой в дом. Так все говорят, значит, это правда.

Легкая и небрежная манера его разговора приводила Тесме в неопишное бешенство. Он что, не понимал, что этот чешуйчатый пришелец из иного мира, этот гэйрог, заменял его в ее постели? Неужели Рускелорн Юлван настолько лишен чувства ревности? Или же он просто не осознает положение вещей? Тесме буквально рассвирепела, напряглась и попыталась мысленно сообщить бывшему любовнику правду, рисуя в воображении жестокие картины, представлявшие ее в объятиях Висмаана, нечеловеческие руки, ласкающие ее грудь и бедра, раздвоенный алый язык, щекочущий ее сомкнутые веки, ее соски, щель между ног. Бесполезно. Рускелорн умел читать мысли ничуть не лучше, чем она, иначе говоря – совсем не умел. «Он мой любовник, – беззвучно шептала она, – он берет меня снова и снова, а я прихожу к нему ради этого. Я не могу дождаться возвращения в джунгли, чтобы завалиться с ним в постель...» И все это время Рускелорн Юлван стоял, улыбаясь, и вежливо болтал с гэйрогом, обсуждая возможности выращивания в этих местах нийка, глейна и стаджжи – или, возможно, для более болотистых районов лучше подойдет лусавендер? Лишь изрядное время спустя он вновь перевел взгляд на Тесме и спросил, как долго еще она намеревается оставаться в джунглях, – так же спокойно, как если бы поинтересовался, какой нынче день недели.

Она вспыхнула.

– Пока что мне нравится там гораздо больше, чем в городе. А что?

– Я подумал, не соскучилась ли ты по комфорту нашей блистательной столицы, только и всего.

– Пока нет, ни капельки. Я никогда еще не была так счастлива.

– Ну и прекрасно. Я очень рад за тебя, Тесме. – Очередная безмятежная улыбка. – Как хорошо, что удалось повидаться с тобой. Приятно было познакомиться, – кивнул он гэйрогу и удалился.

Тесме едва ли не дымились от ярости. Его ничто не задело, не потревожило! Она может сколько угодно совокупляться с гэйрогами, скандарами или даже громварком в пруду! Ему наплевать – все это ничего для него не значит! Она хотела, чтобы он был больно уязвлен или, по крайней мере, шокирован, а он был всего-навсего вежлив. Вежлив! Наверняка он, как и все остальные, не смог понять реальный характер ее отношений с Висмааном – им, конечно, и в голову не придет, что женщина человеческой расы отдастся похожему на рептилию иноземцу, и, значит, они вовсе не думали... они даже не подозревали...

– Ну что, видел Нарабаль? – спросила она у гэйрога.

– Достаточно для того, чтобы уяснить, что тут почти не на что смотреть.

– Как твоя нога? Сумеешь дойти обратно?

– Может быть, у тебя есть в городе какие-нибудь дела?

– Ничего важного, – бросила она, – мне не терпится уйти отсюда.

– Тогда пойдем, – ответил он.

Нога, казалось, все же беспокоила его – видимо, перенапряг мышцы. Такой переход был нелегким даже и для здорового – а ведь Висмаан с начала выздоровления ходил очень понемногу, – но он по обыкновению безропотно последовал за Тесме к окраине города, откуда начиналась дорога в джунгли. Было самое неподходящее для прогулок время дня: солнце сто-

яло почти в зените, а влажность и тяжесть воздуха говорили о приближении послеполюденного ливня. Они шли медленно, часто останавливаясь, хотя он ни разу не сказал о том, что устал. Тесме сама чувствовала себя утомленной и, притворяясь, будто хочет показать ему то какие-то интересные выходы породы, то какие-то необычные растения, искала предлог, чтобы немного передохнуть. Она ни в какую не желала признаться в том, что устала, – на сегодня унижений достаточно.

Ее вылазка в Нарабаль закончилась крахом. Гордая, непокорная мятежница, презиравшая нравы Нарабаля, она приволокла своего любовника-гэйрога в город, чтобы похвастать им перед тихими скучными обывателями, а они ничего не заметили. Неужели они все настолько тупы, что не смогли даже угадать истину? Или, напротив, сразу же раскусили ее намерения и решили не дать ей ни малейшего повода для торжества? Так или иначе, она чувствовала себя оскорбленной, униженной, побежденной – и совершенной душой. Кстати, что там она раньше воображала себе насчет фанатизма жителей Нарабаля? Разве они не опасались наплыва всех этих странных существ? С Висмааном все были настолько обаятельны, настолько дружелюбны... Возможно, мрачно раздумывала Тесме, предубеждение гнездилося лишь в ее собственном сознании, и она извратила те слова, которые слышала от других... Но в таком случае отдаваться гэйрогу было просто глупо, бессмысленно – ей не удалось таким образом влить пощечину общественному мнению Нарабаля, не удалось одержать хотя бы маленькую победу в той личной войне, которую она вела против своих соплеменников. Ее нелепый поступок оказался не более чем проявлением чудачества и своеволия.

Пробираясь по скользкой после дождя тропе в джунглях, Тесме и гэйрог не перемолвились ни словом. Когда они добрались до хижины, он вошел внутрь, а она принялась бестолково суесться: мыться, проверять ловушки, собирать ягоды с лоз, хвататься за всякие вещи, тут же забывая, для чего они ей понадобились.

Войдя через некоторое время в хижину, она без предисловий сказала Висмаану:

- Думаю, теперь ты вполне в состоянии двинуться дальше.
- Ладно. Мне действительно пора отправляться в путь и устраивать свою жизнь.
- Ты, конечно, можешь остаться на ночь. Но утром...
- А почему бы не уйти прямо сейчас?
- Скоро стемнеет. Да и ты уже прошел сегодня немало миль...
- Не стоит больше стеснять тебя. Думаю, мне лучше пойти сегодня.

И вновь Тесме поймала себя на том, что не в силах понять его чувства. Он удивлен? Огорчен? Рассержен? Гэйрог ничем не выдал своих ощущений. Ни единого прощального жеста... Он просто повернулся и ровным шагом пошел по тропинке, убегающей в джунгли. Тесме с пересохшим горлом и бешено колотившимся сердцем провожала его взглядом, пока он не скрылся за низко свисавшими лианами. Единственное, на что она оказалась способна, это удержаться на месте и не побежать за ним следом. Но вот он исчез, а вскоре на землю опустилась тропическая ночь.

Она на скорую руку соорудила для себя нечто вроде обеда, но почти ничего не съела и замерла в задумчивости. Он сидит где-то там, в темноте, ожидая наступления утра. Они даже не попрощались! Она могла в шутку посоветовать ему больше не лазить на сиджаниловые деревья, а он мог поблагодарить ее за заботу, но ничего этого не случилось; она просто предложила ему убираться, а он покорно, безропотно ушел. Непонятное существо, и действия его непонятные... И все же, когда они вместе лежали в кровати, и он дотронулся до нее, и сжал в объятиях, и легко положил ее на себя...

Эта ночь показалась Тесме очень долгой, холодной и мрачной. Съездившись на грубо сплетенной из веток кровати, на которой они вместе проводили последние ночи, она прислушивалась к стуку капель ночного дождя по широким синим листьям, служившим крышей хижины, и впервые за все время, проведенное в джунглях, ощущала боль одиночества. Только

сейчас она осознала, до какой степени была ей дорога та странная пародия на семейную жизнь, которую они с гэйрогом устроили здесь. И вот теперь все закончилось, и она снова осталась одна, еще более одинокая, чем до встречи с Висмааном, и гораздо сильнее, чем когда-либо, оторванная от своей прежней жизни в Нарабале... А он где-то там – сидит без сна в темноте и не имеет даже укрытия от непогоды.

«Я влюбилась в чуждое существо, – с удивлением сказала она себе, – я влюбилась в чешуйчатую тварь, которая не произносит никаких слов о любви, почти не задает вопросов и уходит, не поблагодарив и не попрощавшись». Она несколько часов лежала с открытыми глазами и время от времени принималась плакать. Все тело болело от усталости после долгого похода и расстройств минувшего дня. Подтянув колени к груди, она надолго застыла в такой позе, а затем обеими ладонями принялась поглаживать себя между ног, пока наконец не наступил миг разрядки. Захлебнувшись воздухом, Тесме негромко застонала и почти сразу же провалилась в сон.

Глава 7

С утра Тесме искупалась в пруду, проверила ловушки, позавтракала и прошлась по всем знакомым тропинкам возле своей хижины. Никаких следов гэйрога. К полудню настроение ее несколько улучшилось, а во второй половине дня она ощущала себя почти веселой. Но когда начали стучаться сумерки и подошло время одинокого обеда, она вновь почувствовала, как на нее наваливается тоска. Но она выдержала. Чтобы убить время, она поиграла с кубиками, которые принесла для Висмаана, и в конце концов незаметно уснула... Следующий день прошел лучше, и следующий еще лучше...

Мало-помалу жизнь Тесме возвращалась в нормальное русло. Она по-прежнему не встречала никаких следов гэйрога, и постепенно он начал уходить из ее мыслей. А недели уединения все тянулись и тянулись, и она вновь ощутила радость одиночества – по крайней мере, так ей казалось. Но порой, в самые неожиданные моменты – при виде билантуна, мелькнувшего в чаще, или сиджанилового дерева со сломанной веткой, или громварка, угрюмо сидящего на берегу пруда, – ее мучили острые и болезненные вспышки воспоминаний, и она понимала, что продолжает тосковать без него. Сама не зная толком зачем, Тесме бродила по джунглям, описывая все более и более широкие круги, пока наконец не призналась себе, что ищет его.

Ей потребовалось еще три месяца, чтобы его найти. За двумя-тремя грядами холмов на юго-востоке она вдруг однажды заметила признаки поселения. Забравшись повыше, Тесме смогла разглядеть вырубку, от которой разбегались явно вновь проложенные тропы, и спустя какое-то время отправилась туда. Она переплыла довольно большую реку, о существовании которой прежде не знала, миновала обширную вырубку и оказалась возле свежесозданной плантации. Прячась за окаймлявшими делянку кустами, Тесме заметила гэйрога – в том, что это был Висмаан, она не сомневалась, – рыхлившего жирную черную землю. Внезапно у нее перехватило дыхание от страха, она задрожала всем телом и почувствовала, что колени подкашиваются.

А что, если это какой-нибудь другой гэйрог? Да нет же, нет! Она уверена, что это он, и даже сумела убедить себя, будто видит, как он слегка прихрамывает. Но она продолжала прятаться за кустами, боясь подойти ближе. Что она ему скажет? Как объяснить, почему она вдруг приперлась в эту даль, чтобы разыскать его, после того как с такой холодностью прогнала его из своей жизни? Тесме отступила подальше в кусты и уже совсем было решила уйти прочь. Однако все же взяла себя в руки и окликнула гэйрога по имени.

Он резко остановился и огляделся по сторонам.

– Висмаан? Я здесь! Это Тесме!

Ее щеки пылали, сердце в груди гулко и часто колотилось. На секунду ей показалось, она даже была уверена, что это какой-то другой, незнакомый, гэйрог, и извинения за непрошеное вторжение уже готовы были сорваться с ее губ. Но когда он сделал первый шаг в ее сторону, девушка уже точно знала, что не ошиблась.

– Я увидела расчищенное место и подумала, что это может быть твоя ферма, – сказала она, выбираясь из густого куста. – Как твои дела, Висмаан?

– Просто превосходно. А твои?

Она пожала плечами.

– Все так же. Ты прямо-таки чудо здесь сотворил. Прошло всего несколько месяцев, и смотри-ка, что получилось!

– Да, – согласился он. – Мы постарались как следует.

– Мы?

– У меня теперь есть подруга. Пойдем, я познакомлю вас и покажу тебе, как мы здесь устроились.

Сказанные спокойным тоном слова обожгли ее, словно хлыст. Возможно, именно этого Висмаан и хотел добиться: вместо того чтобы каким-либо образом продемонстрировать оскорбленное самолюбие или негодование тем, как она вышвырнула его из своей жизни, он решил отомстить более изощренным, дьявольским способом – таким вот бесстрастным, отстраненным тоном. Но все же более вероятно, что он не испытывал никакого негодования и не жаждал мести. Его взгляд на все, что произошло между ними, скорее всего в корне отличался от ее восприятия. Не следует забывать, что он принадлежит к существам другой расы, напомнила она себе.

Они прошли по пологому склону, перебрались через дренажную канаву и обошли небольшое, недавно засеянное поле. На вершине холма показался спрятанный за пышными ягодными кустами дом из сиджаниловых стволов, довольно похожий на ее собственный, но заметно больше и с углами. Отсюда, сверху, она смогла увидеть всю ферму, занимавшую три склона небольшого холма. «Как много он успел сделать!» – с восхищением подумала Тесме. Ей казалось, что просто невозможно за минувшие несколько месяцев проделать такую работу: расчистить участок, построить жилье, подготовить почву и даже начать посадки. Она помнила, что гэйроги не нуждаются в ежедневном сне, но неужели им не нужно и отдыхать?

– Турном! – негромко позвал Висмаан. – Турном, у нас гости!

Тесме заставила себя сохранять спокойствие. Теперь, оказавшись здесь, она поняла, что разыскивала гэйрога потому, что не хотела больше оставаться одна, что подсознательно она все еще питала какую-то надежду, предавалась фантазии: помочь ему в устройстве фермы, разделить с ним не только постель, но и жизнь, создать с ним настоящую семью; ей даже как-то раз представилось, что она едет вместе с ним на север, в великолепный Дюлорн, встречается с его соплеменниками... Глупо, конечно. И тем не менее ее мечты сохраняли какую-то видимость правдоподобия, до тех пор пока он не сказал ей, что у него есть подруга. И теперь Тесме из всех сил старалась держаться тепло и сердечно, ничем не проявить свою идиотскую ревность...

Из дома вышел гэйрог почти такого же роста, как и Висмаан, с такой же сверкающей жемчужной чешуей кожей, такими же медленно корчившимися змееподобными волосами. Между ними имелось лишь одно, но очень заметное внешнее различие: грудь женщины-гэйрога украшало, наподобие бахромы, множество – дюжина, а то и больше – мясистых трубочек, каждая из которых заканчивалась темно-зеленым соском. Тесме содрогнулась. Висмаан говорил ей, что гэйроги относятся к млекопитающим, и сейчас она получила неопровержимое доказательство его слов. Но подруга Висмаана чрезвычайно походила на рептилию, а эти жуткие трубочки с сосками лишь усиливали это сходство, так что она казалась не млекопитающим существом, а каким-то сверхъестественным и невероятным гибридом. Потрясенная до глубины души, Тесме молча переводила взгляд с одного гэйрога на другого.

– Это та самая женщина, о которой я тебе рассказывал, – сказал Висмаан. – Когда я валялся со сломанной ногой, она нашла и вылечила меня. Тесме, это моя подруга Турном.

– Рада вас видеть, – торжественно приветствовала гостью женщина-гэйрог.

Тесме срывающимся голосом произнесла несколько вымученных похвальных фраз по поводу огромной работы, проделанной на ферме. Ей хотелось только одного: убежать отсюда, но возможности для отступления уже не было: она пришла в гости к своим соседям по джунглям, и те настаивали на соблюдении приличий. Висмаан пригласил ее в дом. А что будет дальше? Чашка чая, бокал вина, немного токки и жареный минтун? Внутри было почти пусто: стол да несколько подушек, а в дальнем углу стоял на трехногом табурете странный высокий, плотно сплетенный из тонких прутьев короб с открытой крышкой. Тесме лишь искоса взглянула на него и быстро отвела глаза, решив почему-то, что проявлять любопытство сейчас неприлично. Но Висмаан взял ее под локоть.

– Я хочу тебе показать. Смотри.

Она заглянула под крышку.

Это оказался инкубатор. В гнезде из мха лежало одиннадцать или двенадцать кожистых круглых яиц – ярко-зеленых, покрытых крупными красными пятнышками.

– Наши первенцы проклюнутся меньше чем через месяц, – сообщил Висмаан.

У Тесме потемнело в глазах. Почему-то именно это открытие истинно чуждой сущности гэйрогов ошеломило ее как ничто иное прежде. На нее так не действовал ни холодный взгляд немигающих глаз Висмаана, ни его корчащиеся волосы, ни прикосновение его чешуйчатой кожи к ее нагому телу, ни внезапное поразительное ощущение его плоти, заполнившей ее лоно и движущейся внутри нее. Яйца! Эта подстилка! И бахрома на груди Турном уже наливается молоком, чтобы кормить! Тесме воочию увидела дюжину крошечных ящериц, присосавшихся к множеству трубочек, и ее пронзил ужас: какое-то мгновение, показавшееся ей бесконечным, она стояла неподвижно, даже не дышала, а потом повернулась и бросилась прочь. Она промчалась по склону, перепрыгнула канаву, пробежала прямо, как она слишком поздно поняла, по недавно засеянному полю и вломилась в дышавшие горячим паром влажные джунгли.

Глава 8

Она не знала, сколько времени прошло до того момента, когда на пороге ее хижины появился Висмаан. Минуты и часы слились для нее в единый поток еды, сна, плача, дрожи – так что, возможно, минул день, возможно, два, а возможно, и неделя, прежде чем он вдруг просунул голову и плечи в дверной проем и окликнул ее по имени.

– Чего тебе? – не поднимая головы, спросила Тесме.

– Надо поговорить. Есть кое-что, о чем мне следует тебе сказать. Почему ты так внезапно ушла?

– А это имеет какое-нибудь значение?

Он присел рядом и нежно положил руку ей на плечо.

– Тесме, я должен попросить у тебя прощения.

– За что?

– Когда я уходил отсюда, то не поблагодарил тебя за все, что ты для меня сделала. Мы с Турном долго гадали, почему ты убежала, и она сказала, что ты на меня рассердилась, а я никак не мог понять почему. Тогда мы с ней обсудили все возможные причины, и, когда я рассказал, как мы расстались, Турном спросила меня, говорил ли я тебе о том, насколько благодарен за помощь. И я ответил, что нет, я этого не сделал – просто не имел понятия, что так следует поступать. Вот почему я пришел к тебе. Прости мою грубость, Тесме. Она – следствие моего невежества.

– Я прощаю тебя, – глухо отозвалась Тесме. – А теперь уходи. Пожалуйста!

– Посмотри на меня, Тесме.

– Лучше не надо.

– Прошу тебя.

Висмаан легонько потянул ее за плечо, и Тесме с мрачным видом повернулась.

– У тебя опухшие глаза, – заметил он.

– Наверное, съела что-то не то.

– Ты все еще сердишься. Почему? Пойми, у меня и в мыслях не было тебя обидеть. Гэйроги не выражают благодарность так, как делают это люди. Но позволь мне поблагодарить тебя хотя бы сейчас. Ты спасла мне жизнь – я уверен в этом – и была чрезвычайно добра ко мне. Я никогда не забуду, что ты сделала для меня, когда я был болен. И я виноват, что не сказал тебе об этом раньше.

– А я была не права, когда вот так выгнала тебя, – чуть слышно отозвалась она. – Но не проси меня объяснить, почему я так поступила. Это очень сложно. Я прощу тебя за то, что ты не поблагодарил меня, если ты простишь меня за то, что я выгнала тебя из дома.

– Никакого прощения не требуется. Моя нога зажила, пора было двигаться дальше, и ты лишь напомнила мне об этом. Я продолжил прерванные поиски и вскоре нашел подходящую для фермы землю.

– Значит, все было так просто?

– Да. Конечно.

Она поднялась на ноги и выпрямилась, повернувшись к нему лицом.

– Висмаан, почему ты занимался со мной любовью?

– Потому что мне казалось, что ты хотела этого.

– И все?

– Ты была несчастна и, как мне представлялось, не хотела спать в одиночестве. Я надеялся, что смогу хоть немного успокоить тебя, пытался по-дружески поддержать, посочувствовать.

– О. Понятно.

– Мне думалось, что это доставляло тебе удовольствие, – сказал он.

– Да. Да. Это действительно доставляло мне удовольствие. Но ты не хотел меня тогда?

Его язык заплясал перед безгубым ртом, что, по мнению Тесме, могло быть эквивалентом нахмуренного лба озадаченного человека.

– Нет, – сказал он после недолгой паузы. – Ведь ты человек. Как я могу чувствовать половое влечение к человеку? Мы ведь такие разные. На Маджипуре нас называют чужаками, но, согласись, для меня чужак – ты. Или я не прав?

– Наверное... Да, ты прав.

– Но я очень любил тебя и желал тебе счастья. В этом смысле можно сказать, что я хотел тебя. Ты меня понимаешь? И я навсегда останусь твоим другом. Я надеюсь, что ты еще не раз придешь к нам в гости и мы угостим тебя всем, что сумеем вырастить на своей ферме. Ты ведь придешь, Тесме?

– Я... Да, да, я приду.

– Ну вот и прекрасно! А теперь мне пора идти. Но прежде...

С серьезным выражением лица он торжественно притянул к себе Тесме, и она оказалась в объятиях его мощных рук. И вновь ей довелось ощутить непривычно гладкую жесткость его кожи, и снова маленький алый раздвоенный язычок пробежал по ее векам в неведомом людям поцелуе... Это объятие длилось в течение неимоверно долгого мгновения.

– Я очень люблю тебя, Тесме, – прошептал он, опустив руки. – Я никогда не смогу забыть тебя.

– И я тебя тоже.

Стоя в дверях, она провожала взглядом Висмаана, пока он не скрылся в зарослях на дальнем берегу пруда. Душа ее наполнилась ощущением мира, спокойствия и теплоты. Вряд ли она когда-либо посетит Висмаана и Турном с их выводком крошечных ящериц. Но это уже не имело значения. Висмаан поймет. Теперь все хорошо... Тесме начала укладывать вещи в мешок. До полудня еще далеко, и у нее вполне достаточно времени, чтобы добраться до Нарабалы.

Тесме вошла в город сразу же после полуденного ливня. Прошло уже больше года с тех пор, как она сбежала отсюда, и несколько месяцев после ее последнего посещения... Просто поразительно! Как же все изменилось за это время! Жизнь в городе кипела: всюду росли новые здания, в Канале столпились десятки кораблей, на улицах бурлило движение. Казалось к тому же, что город подвергся нашествию множества иноплеменников. Повсюду сновали сотни гэйрогов, какие-то серые существа с бородавчатой кожей – наверное, это и есть хьорты – и огромные четверорукие скандары... Целый передвижной цирк странных существ, явившихся сюда по своим делам и доброжелательно принятых населявшими город людьми. Тесме не без труда добралась до материнского дома и застала там двух своих сестер и брата Далхана. Они смотрели на нее с изумлением и, как ей показалось, со страхом.

– Я вернулась, – заявила она. – Знаю, что похожа на дикое животное, но как только подстригусь и надену новую тунику, вот увидите, снова стану человеком.

Спустя несколько недель Тесме переехала в дом Рускелорна Юлвана, а в конце года они поженились. Поначалу она намеревалась признаться ему в том, что она и ее жилец-гэйрог были любовниками, но все никак не решалась, а по прошествии времени все случившееся в джунглях показалось ей слишком незначительным, недостойным даже упоминания.

Лет десять или двенадцать спустя Тесме обедала с мужем в одном из прекрасных новых ресторанов гэйрогского квартала города, где им подали жареное мясо билантуна. Возможно, сыграло свою роль и то, что Тесме выпила чересчур много крепкого золотистого северного вина... Но на этот раз давление старых ассоциаций оказалось слишком мощным, и у нее не хватило сил для сопротивления...

– Ты мог представить себе что-либо подобное? – спросила она, закончив свою историю.

– Я догадался, как только увидел тебя рядом с ним на улице, – ответил Рускелорн Юлван. – Но какое это могло иметь значение?

Часть II

Время огня

После этого поразительного опыта Хиссун вот уже несколько недель не смеет вернуться в Регистр памяти души. Впечатление оказалось слишком мощным и болезненным, и ему нужно время, чтобы прийти в себя. За час, проведенный в Регистре, он прожил много месяцев из жизни той женщины, и приобретенный опыт чуждой судьбы обжигает ему душу. Перед его мысленным взором проходят незнакомые новые образы.

Прежде всего джунгли. Хиссун не бывал нигде, кроме подземного Лабиринта с его тщательно регулируемым климатом, не считая, конечно, кратковременного путешествия на Замковую гору, климат которой хотя и заметно отличался от того, что был в его родном подземелье, был тем не менее тоже искусственным и управляемым. Вот почему густая листва и проливные дожди, пение птиц и жуужжание насекомых, ощущение мокрой земли под босыми ногами произвели на мальчишку необыкновенно сильное впечатление. Но это лишь крошечная частица того, что пришлось ему испытать. Превратиться в женщину – что может быть удивительнее! А потом еще и оказаться любовницей существа иной расы! У Хиссуна не хватало слов, чтобы выразить свои ощущения. Просто ему непостижимо! И столь невероятное событие неведомым образом стало частью его существования. А когда он все же взялся за его осмысление, то поводов для раздумий оказалось намного больше: не только отношения мужчины и женщины, представителей различных рас, но и ощущение Маджипура как развивающегося мира, многие части которого до сих пор остаются такими же молодыми, как и в дни творения. Немоощные улицы Нарабаля, деревянные лачуги и сама планета, на которой он живет: не ухоженная, не прирученная, как сейчас, но бурная и таинственная, со множеством белых пятен на карте. В то время как Хиссун бездумно листает и перекладывает никому не нужные архивы налоговых инспекторов, мысли его час за часом, день за днем возвращаются вокруг пережитых событий. И постепенно до него начинает доходить, что после своего незаконного посещения Регистра памяти души он уже никогда не станет прежним, никогда не сможет быть просто мальчиком по имени Хиссун, но – в силу неких непостижимых обстоятельств – всегда будет не только Хиссуном, но также и женщиной по имени Тесме, которая жила и умерла девять тысяч лет назад на другом континенте, в жарком душном городе, который Хиссун никогда не увидит.

А потом его, конечно, с неудержимой силой снова влечет к себе удивительный Регистр памяти души. У входа на сей раз дежурит другой чиновник – хмурый маленький врун в косо нацепленной полумаске, – и Хиссуну приходится очень быстро и небрежно, словно ему давно уже наскучило это делать, взмахнуть перед ним своим пропуском, чтобы попасть туда, куда ему требуется. А так как его бойкий ум далеко опережает мыслительные процессы любого из этих вялых чиновников, то вскоре он уже сидит в возделенной кабине и быстрыми пальцами набирает код на пульте. Пусть это будет время лорда Стиамота, решает он. Последний период войны, в которой метаморфы были разгромлены войсками людей – первых поселенцев на Маджипуре. «Выдай мне капсулу солдата армии лорда Стиамота, – мысленно приказывает он скрытому разуму хранилища. И добавляет: – Может быть, мне удастся что-нибудь узнать и о самом властелине Стиамоте!»

Вдоль всего горного хребта, изогнувшегося от Милиморна до Хамифиу, горели сухие предгорья, и даже здесь, в орлином гнезде, находившемся в пятидесяти милях к востоку от горы Зигнор, капитан Эремойль ощущал порывы горячего ветра, несущего запах гари. Весь горизонт закрывала корона густого темного дыма. За час-другой летающие машины должны

были дотянуть полосу огня от Хамифиу до маленького городка в устье долины, а завтра им предстоит нести факелы дальше на юг, к Синталмонду. Тогда вся провинция окажется охваченной огнем, и горе всем, меняющим форму, которые задержатся здесь.

– Теперь уже недолго осталось, – сказал Вигган. – Война почти закончена.

Эремойль оторвал взгляд от карты северо-западной части континента и посмотрел на своего лейтенанта, исполнявшего обязанности начальника штаба.

– Ты так думаешь? – без выражения спросил он.

– Тридцать лет. Пожалуй, уже хватит.

– Не тридцать. Пять тысяч лет, шесть тысяч. С тех самых пор, как люди впервые попали в этот мир. Война не прекращалась все это время, Вигган.

– Но ведь большую часть этого времени мы даже не сознавали, что воюем.

– Ты прав, – согласился Эремойль. – Мы этого не понимали. Но понимаем это теперь, не так ли, Вигган?

Капитан отвернулся от собеседника и вновь, прищурившись, склонился над картой. Маслянистый дым заставлял глаза слезиться, затуманивал зрение, а тонко начерченная карта была уже сильно потерта. Он медленно вел карандашом вдоль линии, отмечавшей контуры предгорий ниже Хамифиу, и сверялся с записанными на листке бумаги названиями деревень, которые нужно будет перечислить в рапорте.

Он надеялся, что на карте отмечены все деревни, расположенные в районе огненной дуги, и что офицеры побывали в каждой из них, чтобы предупредить о том, что здесь все будет сожжено. Если картографы что-то пропустили, то и ему, и тем, кто находится под его командованием, придется плохо, так как лорд Стиамот издал несколько распоряжений о том, что в ходе этого рукотворного катаклизма не должна пострадать ни одна человеческая жизнь: все поселенцы должны быть заблаговременно предупреждены, чтобы успеть эвакуироваться. Предупреждения получили и метаморфы. Лорд Стиамот неустанно повторял, что никому не дано право заживо сжигать врагов. Их следует только привести к повиновению, и огонь в данном случае был, похоже, наилучшим средством для этого. А вот удержать пламя под контролем будет, по всей вероятности, нелегко, думал Эремойль, но это не относится к числу первостепенных задач.

– Каттикаун, Бизферн, Домгрейв, Бьелк... Как же здесь много мелких городишек, Вигган. И зачем это людям понадобилось поселиться именно здесь?

– Говорят, что земля в этих местах плодородная, господин, а климат для такого северного района достаточно умеренный.

– Умеренный? Полагаю, что только для тех, кто не против по полгода обходиться без дождя. – Эремойль закашлялся. Ему показалось, что он слышит, как отдаленный пожар с треском пожирает желто-коричневую траву по колено высотой. В этой части Алханроэля зимой дожди шли почти непрерывно, зато летом их не было вовсе. Серьезное испытание для фермеров, но они, видимо, смогли с ним справиться, судя по тому, сколько сельскохозяйственных поселений выросло на склонах этих холмов и ниже, в долинах, сбегавших к морю. Сейчас сухой сезон был в разгаре, и вся местность за последние месяцы выгорела под яростным летним солнцем – сушь, сушь, сушь... темная растрескавшаяся земля, полегшая и высохшая трава, выросшая за зимние месяцы, кусты, в ожидании влаги свернувшие в трубочки свои мясистые листья... Просто идеальное место для того, чтобы разбрасывать факелы и оттеснять упрямых врагов до самого океана – или еще дальше! Но не лишать никого жизни, никого не лишать жизни... Эремойль продолжал изучать свои списки. Чикмож, Фуалль, Даниуп, Мичиманг... Он снова посмотрел на лейтенанта.

– Вигган, что ты будешь делать после войны?

– У моей семьи есть земля в долине Глэйдж. Думаю, что снова стану фермером. А вы, господин?

– Мой дом находится в Сти. Я был гражданским инженером – акведуки, трубопроводы для сточных вод и прочие столь же очаровательные вещи. И смогу вернуться к своему делу. Когда ты в последний раз видел Глэйдж?

– Четыре года назад, – ответил Вигган.

– А я пять лет не был в Сти. Ты ведь, кажется, участвовал в сражении при Треймоуне?

– Был там ранен. Слегка.

– И тебе приходилось убивать метаморфов?

– Да, господин.

– А мне нет, – сказал Эремойль. – Уже девять лет, а все еще никого не лишил жизни. Конечно, я все время был офицером. Подозреваю, что из меня получится не слишком хороший убийца.

– Все мы таковы, – отозвался Вигган. – Но когда они наступают на тебя, изменяя форму по пять раз за минуту, с ножом в одной руке и топором в другой... или когда ты знаешь, что они совершили набег на землю твоего брата и убили твоих племянников...

– И такое было, Вигган?

– Не со мной, господин. Но с другими было, со множеством других. Злодеяния... Но вам, наверное, не нужно рассказывать, как...

– Да нет, не рассказывай. Как называется этот городок, Вигган?

Лейтенант наклонился пониже.

– Сингасирин, господин. Надпись немного смазана, но это именно он. И он есть в нашем списке. Вот, смотрите. Мы предупредили их позавчера.

– Думаю, что мы ничего не пропустили.

– Надеюсь, что так, господин, – откликнулся Вигган.

Эремойль свернул карту, убрал ее и снова посмотрел на запад, где четко была видна линия, отделявшая район пожаров от не затронутых огнем холмов к югу от него. На темно-зеленых холмах, судя по всему, росли деревья с пышной листвой. Но за время засухи листья этих деревьев пожухли, и этим склонам предстоит взорваться, словно от бомбежки, когда огонь доберется до них. Время от времени он видел вспышки пламени, не более заметные, чем пушенные зеркалом зайчики. Но это иллюзия, порожденная огромным расстоянием. Эремойль знал: каждый из этих крошечных бликов на самом деле яростный пожар, охвативший новый обширный участок леса неподалеку от Хамифиу. Туда не бросали с воздуха факелы – огонь сам добрался до этих деревьев.

– Господин, прибыл посыльный, – доложил Вигган.

Эремойль обернулся. Спускавшийся с горы высокий молодой человек в пропитанной потом униформе неуверенно уставился на него.

– В чем дело? – спросил он.

– Меня прислал капитан Ванэйль, господин. В долине возникла проблема. Поселенец не желает эвакуироваться.

– Лучше бы он пожелал, – отозвался Эремойль, пожимая плечами. – Где это?

– Между Каттикауном и Бизферном, господин. Богатый землевладелец. Кстати, его зовут тоже Каттикаун, Айбиль Каттикаун. Он сказал капитану Ванэйлю, что владеет этой землей по прямому указу понтифекса Дворна, что его род живет здесь уже тысячи лет и что он не собирается...

Эремойль вздохнул.

– Меня совершенно не интересует, кто дал ему землю. Пусть даже Божество собственной персоной. Завтра мы сожжем этот район, и если он останется там, то хорошо прожарится.

– Он знает об этом, господин.

– Тогда чего же он от нас хочет? Чтобы мы заставили огонь обойти кругом его ферму, так что ли? – Эремойль нетерпеливо махнул рукой. – Эвакуируйте его, хочет он того или нет.

– Мы попробовали, – сказал посыльный. – Он вооружен и сопротивляется. Заявляет, что убьет любого, кто попытается прогнать его с земли.

– Убьет? – повторил Эремойль, как будто услышал нечто бессмысленное. – Убьет? Кто говорит о чем-то убийстве? Этот человек сумасшедший. Пошлите пятьдесят солдат – пусть укажут ему дорогу в безопасный район.

– Как я уже доложил вам, господин, он оказал сопротивление. Была перестрелка. Капитан Ванэйль полагает, что попытка выдворить этого человека может повлечь за собой человеческие жертвы. Капитан Ванэйль просит вас, господин, лично спуститься в долину и урезонить упряма.

– Чтобы я...

– Возможно, это наилучший выход, – негромко произнес Вигган. – Эти крупные землевладельцы иногда очень своенравны.

– Пусть Ванэйль сходит к нему, – возразил Эремойль.

– Господин, капитан Ванэйль уже пытался вести переговоры с этим человеком, – сообщил посыльный. – Но у него ничего не вышло. Каттикаун требует аудиенции с лордом Стиамотом. Конечно, это невозможно, но если бы вы пошли...

Эремойль задумался. Вообще-то, командиру его ранга не по чину было заниматься такими мелочами. Очистить территорию перед завтрашним поджогом было прямой обязанностью Ванэйля, а Эремойль должен был находиться здесь и управлять всей операцией. Но, с другой стороны, за освобождение территории в конечном счете отвечает именно он, Эремойль, а Ванэйль явно не справился со своей задачей. Если послать команду и попытаться выставить упряма силой, дело, скорее всего, закончится гибелью Каттикауна, да еще и нескольких солдат, что вряд ли можно будет расценивать как успешный результат. Почему бы не пойти? Эремойль медленно кивнул. Протокол, будь он проклят: ему приходится выполнять множество ненужных формальностей. Откровенно говоря, на вторую половину дня у него не оставалось никаких важных дел, ну а с мелкими вопросами, если они возникнут, вполне справится Вигган. И если ценой небольшой прогулки вниз по склону горы ему удастся спасти пусть даже одну жизнь, жизнь глупого упрямого старика...

– Подай мою парящую лодку, – приказал он Виггану.

– Господин?

– Подавай. И побыстрее, пока я не передумал. Я поеду вниз и встречу с ним.

– Но Ванэйль уже...

– Перестань дергаться, Вигган. Я отлучусь совсем ненадолго. До моего возвращения ты останешься здесь за командира, но я не думаю, что у тебя будет много проблем. Ты справишься?

– Да, господин, – хмуро ответил лейтенант.

Поездка заняла больше времени, чем рассчитывал Эремойль: почти два часа спуска по извилистой дороге к подножию горы Зигнор, затем по неровному плато, полого уходящему вниз, к предгорьям, окружавшим прибрежную равнину. Там было жарче, хотя и не столь дымно; набегавшие волны горячего воздуха порождали миражи и, казалось, заставляли пейзаж таять и растекаться. Никакого движения на дороге не было, но капитану много раз приходилось останавливаться, чтобы пропустить охваченных паникой странных животных неизвестных ему пород, в страхе спасавшихся от огня. К тому времени, когда Эремойль добрался до поселений в предгорьях, тени уже начали удлиняться. Огонь здесь обладал материальным воплощением, словно второе солнце в небе. Эремойль ощущал на своих щеках его жар, а висевший в воздухе мелкий пепел оседал на коже и одежде.

Городки, названия которых он сверял по списку, теперь неприятно поразили его реальностью своего существования: Бьелк, Домгрейв, Бизферн... Одинаковые словно близнецы: в центре – лавки и общественные здания, окруженные кольцом жилых домов, от которых в разные

стороны расходятся поля. Кроме того, каждый городок имел собственную небольшую долину с протекающим по ней ручьем, сбегавшим с холмов и терявшимся на равнине. Все они теперь опустели или почти опустели – в них оставалось лишь несколько запоздавших, а все остальные уже двигались по ведущим к побережью дорогам. Эремойль подумал, что он может зайти в любой из домов и найдет там книги, резные фигурки, подарки к праздникам, полученные от живших вдали родственников, даже домашних животных, расставание с которыми, возможно, глубоко опечалило всю семью... А завтра все это станет пеплом. Но на этой территории было полно меняющих форму. На протяжении столетий поселенцы жили здесь под угрозой нападения непримиримого и безжалостного противника, который, надев на себя маску чьего-нибудь друга, возлюбленного или сына, появлялся из лесов, чтобы убивать, и вновь скрывался в них. Тихая, тайная война между изгнанниками и теми, кто занял их место, не прерывалась ни на день. И эта война была неизбежной, с тех пор как первые лагеря переселенцев на Маджипуре превратились в города и появились сельскохозяйственные территории, которые все шире и шире распространялись в области, где обитали аборигены. Существует такой способ лечения, как прижигание, и в этих последних конвульсиях борьбы между людьми и меняющими форму его никак нельзя было избежать. И Бьелк, и Домгрейв, и Бизферн необходимо разрушить, чтобы навсегда прекратить мучения. И все же это нисколько не облегчает участь тех, кому пришлось лишиться своего жилья, думал Эремойль. Не так-то легко уничтожить даже чей-то чужой дом – чем он занимался на протяжении вот уже нескольких дней, – если, конечно, делать это самому, а не чужими руками издалика, с удобного расстояния, с которого все эти пожары воспринимаются как стратегическая абстракция. За Бизферном отрог горы сворачивал к западу, и дорога делала поворот вместе с ним. Здесь протекали крупные ручьи, почти что небольшие речки, и там, где не было полей, стояли густые леса. Но после многомесячной засухи и эти леса были готовы вот-вот вспыхнуть; под деревьями валялись кучи сухих листьев, отмершие ветки, обрушившиеся мертвые стволы.

– Это здесь, господин, – сообщил посыльный.

Эремойль оглядел широкий каньон с узкой горловиной, посредине которого протекал ручей. В сгущавшихся тенях он разглядел внушительных размеров поместье, большое белое здание с зеленой крышей и, как ему показалось, раскинувшиеся за ним обширные хлебные поля. Горловину каньона охраняли вооруженные стражники. Это было не простое фермерское хозяйство, а владение некоего человека, мнившего себя не иначе как герцогом. Эремойль понял, что его ожидают изрядные неприятности.

Он спустился наземь и зашагал в сторону стражников. Держа энергометы на изготовку, они встретили капитана неприязненными, изучающими взглядами. Он обратился к тому из них, который выглядел наиболее внушительно:

– Капитан Эремойль. Я хочу видеть Айбиля Каттикауна.

– Каттикаун ожидает лорда Стиамота, – последовал холодный ответ.

– Лорд Стиамот занят. Сегодня его представляю я – капитан Эремойль, командующий этим районом.

– Нам приказано впустить только лорда Стиамота.

– Передайте вашему господину, – устало сказал Эремойль, – что корональ сожалеет о том, что не может посетить его лично, и просит его изложить свои претензии капитану Эремойлю.

В первый момент ему показалось, что стражник не услышал этих слов. Но спустя несколько секунд он молча повернулся и направился в глубь каньона. Эремойль смотрел, как он неторопливо шел вдоль берега ручья, пока наконец не скрылся за густыми кустами, посаженными перед замком. Прошло довольно много времени; ветер переменился и теперь налетал обжигающими порывами со стороны пожара, принося с собой дымные клубы, которые жалили глаза и опаляли горло. Эремойль подумал, что в его легких, наверное, уже осел слой черного пепла. Но из этого окруженного горными отрогами места самого огня видно не было.

Наконец стражник возвратился той же неторопливой походкой.

– Каттикаун примет вас, – объявил он.

Эремойль подозвал водителя и приехавшего с ним посыльного. Но стражник отрицательно помотал головой.

– Только вас, капитан.

Водитель переменялся в лице. Эремойль махнул ему рукой.

– Ждите меня здесь, – сказал он. – Не думаю, что задержусь надолго.

Вслед за стражником он направился по дорожке к замку.

Эремойль ожидал от Айбиля Каттикауна такого же подчеркнуто недружелюбного приема, какой оказала ему стража, но он недооценил той любезности, которую чувствовал себя обязанным проявлять провинциальный аристократ. Каттикаун приветствовал его с теплой улыбкой и открытым взглядом, обнял гостя, как могло показаться, совершенно искренне и провел его в большой дом, обставленный не слишком пышно, но с грубоватой простотой, производившей впечатление элегантности. Под сводчатым потолком тянулись блестящие от лака балки из черного дерева, высокие стены украшали охотничьи трофеи, мебель была массивной и, судя по всему, древней. В целом дом производил впечатление архаичности. Как, впрочем, и сам Айбиль Каттикаун. Это был крупный человек, ростом гораздо выше поджарого Эремойля; ширину его плеч еще больше подчеркивала тяжелая мантия из меха ститмоя. Шапка густых с заметной проседью волос лежала красивыми крупными волнами над высоким лбом, глаза были темными, а губы тонкими. Он выглядел поистине величественно.

Каттикаун наполнил два бокала вином красивого янтарного цвета и лишь после того, как они отпили по глотку, заговорил:

– Значит, вам необходимо сжечь мои земли?

– К сожалению, мы должны полностью сжечь всю эту провинцию.

– Какая глупость! Возможно, самая большая во всей военной истории человечества. Имеете ли вы хоть какое-то представление о ценности производимой здесь продукции? Вам известно, сколько поколений вложило свой тяжкий труд в создание и развитие этих ферм?

– Вся область от Милиморна до Синталмонда и дальше – центр партизанской активности метаморфов, их последний оплот на Алханроэле. Корональ твердо решил положить конец этой отвратительной войне, а это можно сделать, только выкурив меняющих форму из их убежищ в этих холмах.

– Есть и другие методы.

– Мы пробовали их, но безрезультатно, – возразил Эремойль.

– Говорите, пробовали? А вы пытались дюйм за дюймом обыскать леса, чтобы найти их? Или, может быть, вы собрали сюда всех солдат Маджипура, чтобы провести сплошное прочесывание? Конечно нет. Это слишком хлопотно. Гораздо проще пустить в ход летающие машины и сжечь целую провинцию.

– Эта война унесла жизни целого поколения.

– И корональ в конце концов потерял терпение! – воскликнул Каттикаун. – А расплачиваться за это должен я!

– Корональ – великий стратег. Корональ победил опасного и почти неуловимого врага и впервые сделал Маджипур безопасным для людей – повсюду, кроме этого района.

– Мы достаточно хорошо управлялись с метаморфами, скрывавшимися рядом с нами, капитан. Ведь меня они все же не убили. Я умел обращаться с ними. Угроза, которую они могли представлять моему благосостоянию, несопоставима с той, какая исходит от моего собственного правительства. Ваш корональ, капитан, просто дурак.

Эремойль сдержался.

– Будущие поколения станут говорить о нем как о герое из героев.

– Вполне возможно, – согласился Каттикаун. – Именно так обычно и становятся героями. Уверяю вас, что не было никакой необходимости уничтожать целую провинцию ради того, чтобы расправиться с последними аборигенами, которых осталось всего несколько тысяч. Я заявляю вам, что это опрометчивый и близорукий ход переутомившегося генерала, который спешит вернуться к безмятежной жизни в своем Горном замке.

– Пусть даже так, но решение, тем не менее, принято, и все от Милиморна до Хамифиу уже горит.

– Я заметил это.

– Огонь движется к деревне Каттикаун. Возможно, к рассвету он подойдет к границам вашего владения. В течение дня мы будем поджигать провинцию дальше к югу – до самого Синталмонда.

– Не сомневаюсь, – совершенно спокойно отозвался Каттикаун.

– Этот район превратится в ад. Мы просим вас покинуть его, пока еще не поздно.

– Я предпочитаю остаться, капитан.

Эремойль медленно перевел дух.

– В таком случае мы не сможем принять на себя ответственность за вашу безопасность.

– Никто и никогда не отвечал за мою безопасность, кроме меня самого.

– Предупреждаю: вы умрете, и смерть будет ужасной. Мы не в состоянии заставить огонь обойти ваши земли стороной.

– Понимаю.

– Но это означает, что вы просите, чтобы мы убили вас.

– Ничего подобного я не прошу. Мы с вами едва ли сможем о чем-либо договориться. Вы ведете свою войну, а я защищаю свой дом. Если огонь, который требуется для вашей войны, вторгнется на мою территорию, тем хуже для меня, но никакого убийства не произойдет. Просто наши пути расходятся в разные стороны, капитан Эремойль.

– Вы странно рассуждаете. В результате нашей огненной атаки вы погибнете, и ваша смерть останется на нашей совести.

– Я заблаговременно получил соответствующее предупреждение и нахожусь здесь по доброй воле, – ответил Каттикаун. – Так что моя смерть останется на моей собственной совести.

– А как же ваши люди? Они ведь тоже погибнут!

– Да, те, кто решил не покидать меня. Я предупредил их о том, что должно случиться. Трое отправились на побережье. Остальные остались. По своей собственной воле, а не для того, чтобы угодить мне. Это наш дом. Еще бокал вина, капитан?

Эремойль отказался было, но внезапно передумал и подвинул л л хозяину пустой бокал.

– Неужели у меня нет никакой возможности переговорить с лордом Стиамотом? – спросил Каттикаун, наливая вино.

– Никакой.

– Насколько мне известно, корональ находится где-то здесь.

– Да, приехал на полдня. Но он ни с кем не желает встречаться.

– И, полагаю, не случайно. – Каттикаун улыбнулся. – Он же не сошел с ума, Эремойль?

– Корональ? Ни в коей мере.

– Этот поджог... это такой отчаянный, такой идиотский поступок. Ведь потом ему придется платить репарации – миллионы реалов. Это обанкротит казначейство, это обойдется дороже, чем пятьдесят замков, столь же великих, как тот, что он построил на вершине Горы. И ради чего? Дайте нам еще два-три года, и мы приручим меняющих форму.

– Или пять, или десять, или двадцать, – откликнулся Эремойль. – Конец войне должен быть положен сейчас, до завершения этого сезона. Эта ужасная конвульсия, этот всеобщий позор, это мерзкое пятно, этот бесконечный кошмар...

– Значит, вы считаете войну ошибкой?

Эремойль резко покачал головой.

– Непоправимая ошибка была сделана очень давно, когда наши предки решили обосноваться на планете, уже заселенной разумными существами. А теперь у нас не осталось иного выбора, кроме как сокрушить метаморфов. В противном случае нам придется покинуть Маджипур, но это совершенно невозможно.

– Да, – согласился Каттикаун, – разве можем мы навсегда оставить дома, доставшиеся нам в наследство от многих поколений наших предков?

Эремойль игнорировал мрачную иронию своего собеседника.

– Мы насильно отобрали планету у ее обитателей. В течение тысяч лет мы пытались жить с ними в согласии, пока не признались себе, что мирное сосуществование не более чем иллюзия. Теперь мы силой навязываем им свою волю. Это некрасиво, но другие варианты еще хуже.

– А что лорд Стиамот будет делать с теми меняющимися форму, которых он содержит в лагерях для пленных? Запашет их вместо удобрения, в те поля, которые сжег?

– Им будет предоставлена обширная резервация на Зимроэле, – ответил Эремойль. – Отдать им половину континента – вряд ли это можно назвать жестокостью. Алханроэль останется нашим, и нас с ними будет разделять океан. Уже идет подготовка к переселению. Из всех провинций только в вашей по-прежнему спокойно. Лорд Стиамот принял на себя тягчайшее бремя ответственности за жестокий, но необходимый акт, и потомки будут еще долго восхвалять его за это.

– А я восхваляю его уже сейчас, – серьезным голосом откликнулся Каттикаун. – О мудрый и справедливый корональ! О ты, кто в своей бесконечной мудрости уничтожаешь эту землю, чтобы скрывающиеся здесь непокорные аборигены впредь не причиняли никому беспокойства... Знаете, Эремойль, я бы предпочел, чтобы этот ваш корональ-герой обладал менее благородным духом. Или, возможно, более благородным. Он казался бы мне куда великолепнее, выбери он несколько более мягкий и постепенный метод разгрома остатков своих врагов. Тридцать лет войны – какое значение тут могут иметь еще два-три года?

– Но он выбрал такой путь. И пока мы беседуем, огонь все приближается.

– Пусть приближается. А я останусь здесь и буду защищать от него мой дом.

– Вы не видели зону пожара, – возразил Эремойль. – Ваша защита не продержится и десяти секунд. Огонь пожирает все на своем пути.

– Вполне возможно. Но я все же попытаю счастья.

– Прошу вас...

– Вы просите? Разве вы нищий? Нет, это я должен просить. Я прошу вас, капитан, пощадите мое имение!

– Невозможно. Я действительно прошу вас: отступите и сохраните вашу жизнь и жизни ваших людей.

– И что вы предлагаете мне после этого делать? Ползти на карачках по дороге к побережью? Жить в какой-нибудь грязной клетушке в Алаизоре или Байлемуне? Подавать на стол в гостинице, или мести улицы, или ухаживать за скакунами в конюшне? Здесь мой дом. Лучше погибнуть здесь завтра за десять секунд, чем жить тысячу лет в трусливом изгнании. – Каттикаун подошел к окну. – Уже темнеет, капитан. Надеюсь, вы пообедаете со мной?

– Сожалею, но вынужден отказаться – не могу задерживаться.

– Быть может, вам неприятен такой спор? Тогда поговорим о чем-нибудь другом. Я с удовольствием сменю тему.

Эремойль положил ладонь на огромную лапищу своего собеседника.

– Меня ждут обязанности в штабе. Ваше приглашение большая честь для меня, и я бы с удовольствием воспользовался вашим гостеприимством. Но, к сожалению, это невозможно. Надеюсь, вы простите мою невежливость?

– Мне жаль, что вы уходите, не вкусив пищи в моем доме. Вы торопитесь к лорду Стиамоту?

Эремойль промолчал.

– Хочу обратиться к вам с просьбой, – продолжал Каттикаун. – Помогите мне получить аудиенцию у короналя.

– Ничего не получится, а если бы и удалось, то не принесло бы ничего, кроме вреда. Пожалуйста, уезжайте сегодня же вечером, в крайнем случае ночью. Давайте пообедаем, а затем вместе уедем из вашего поместья.

– Это мой дом, и здесь я останусь, – ответил Каттикаун. – А вам, капитан, я желаю всего наилучшего, долгой и гармоничной жизни. И благодарю вас за эту беседу. – Он на мгновение прикрыл глаза и склонил голову: чуть заметный поклон, тонкое позволение уйти. Эремойль двинулся к двери большого зала.

– Другой офицер думал, что сможет выставить меня отсюда силой, – сказал ему вслед Каттикаун. – У вас оказалось гораздо больше здравого смысла, о чем я с удовольствием сообщая вам. Прощайте, капитан Эремойль.

Эремойль попытался найти подходящие слова для ответа, ничего не придумал и ограничился воинским салютом.

Стражник Каттикауна проводил его назад к входу в каньон, где водитель Эремойля и посыльный коротали время возле парящей лодки, играя в кости. При виде Эремойля они вскочили, но он сделал успокаивающий жест и отвернулся. Он смотрел на восток, в сторону высоких гор, устремлявшихся к небу на дальней стороне долины. В этих северных широтах летней ночью небо было все еще светлым, даже на востоке, и тяжелая громада горы Зигнор заслоняла полгоризонта, возвышаясь на фоне бледно-серого неба подобно черной стене. А южнее вздымался ее близнец – гора Хеймон, на которой разместил свой штаб корональ. Эремойль постоял некоторое время, глядя в два мощных пика и раскинувшиеся перед ними предгорья, наблюдая, как поднимаются с другой стороны столбы огня и дыма... Потом встряхнул головой и обернулся туда, где скрылось в сгустившемся полумраке поместье Айбиля Каттикауна. В ходе своего движения по армейской лестнице чинов Эремойлю довелось познакомиться с герцогами, принцами и многими другими вельможами, которых простой гражданский инженер не часто встречает в обыденной жизни. Немало времени он провел и в обществе самого короналя и советников из ближайшего окружения правителя. Но никогда еще не приходилось ему сталкиваться с кем-либо, похожим на этого Каттикауна, который был или самым благородным, или самым неразумным человеком на планете, а возможно, и тем и другим.

– Поехали, – скомандовал он водителю. – Сворачивай на хеймонскую дорогу.

– Хеймонскую, господин?

– Да, к короналю. Сможешь доставить нас туда к полуночи?

Дорога к южному пику в целом походила на зигнорскую дорогу, но была круче и не столь ухоженная. В темноте ехать по ее изгибам на такой скорости, какую решил набрать водитель Эремойля – женщина из Стойена, – было опасно, но алое сияние горящих сухих степей освещало и долину, и предгорья, так что риск был не слишком велик. На протяжении всей долгой поездки Эремойль не произнес ни слова. Ему просто нечего было сказать: как могла простая женщина-водитель или парень-посыльный понять внутреннюю сущность Айбиля Каттикауна? Даже сам Эремойль, впервые услышав о том, что один из местных фермеров отказался покинуть свою землю, неправильно истолковал этот характер, вообразив себе какого-то сумасшедшего старого дурака, упрямого фанатика, не желающего видеть грозящую ему опасность. Конечно, Каттикаун был упрям, и, возможно, его можно было назвать фанатиком, но под остальные категории он никак не подходил; он не был сумасшедшим, однако тем, кто, подобно Эремойлю, жил по совершенно иным принципам, его философия могла показаться безумной.

Капитан задумался: что же он сообщит лорду Стиамоту.

Репетировать бесполезно: в нужный момент слова или придут, или не придут. Спустя некоторое время он впал в состояние, похожее на сон наяву: его сознание оставалось ясным, но как бы застыло, лишилось способности мыслить. Парящая лодка легко неслась по головокружительным извивам дороги, поднимаясь из долины в горную местность, иззубренную острыми скалами. К полуночи они достигли лишь подножия горы Хеймон, но повода для беспокойства не было: корональ, как известно, ложился очень поздно, а часто обходился совсем без сна. Эремойль не сомневался, что сможет увидеться с ним.

Где-то уже на середине склона горы Хеймон он незаметно для себя погрузился в настоящий сон и был удивлен и смущен, почувствовав, что посыльный легко трясет его за плечо.

– Лагерь лорда Стиамота, господин.

Растерянно моргая, Эремойль осознал, что сидит, выпрямившись, в парящей лодке, что у него затекли ноги и ноет спина. Луны дошли уже почти до середины неба, и ночь стала уже почти совсем черной – лишь на западе тьму пререзала необыкновенно яркая, фантастическая пламенная рана. Эремойль неловко выбрался из машины. Даже и сейчас, глубокой ночью, в лагере короналя кипела жизнь: во всех направлениях носились посыльные, во многих жилищах горели огни.

Появился адъютант и, узнав Эремойля, в полном соответствии с протоколом отдал ему честь.

- Ваш визит – сюрприз для нас, капитан Эремойль!
- Я бы сказал, что и для меня тоже. Лорд Стиамот в лагере?
- Корональ проводит совещание штаба. Он ожидает вас, капитан?
- Нет, – честно признался Эремойль. – Но я должен поговорить с ним.

Адъютанта это несколько не удивило. Штабные заседания среди ночи, региональные командующие, являющиеся без вызова или предупреждения для совещания с властелином, – а почему бы и нет? Это война, и к ней неприменимы те строгие правила и установления, которым подчиняется жизнь Замка. Эремойль прошел следом за офицером через весь лагерь к восьмиугольному шатру, украшенному Горящей Звездой – гербом короналя. Шатер окружало кольцо стражников, столь же неприветливых и мрачных, как и те, которые охраняли вход в каньон Каттикауна. За минувшие восемнадцать месяцев произошли уже четыре покушения на жизнь лорда Стиамота. Все покушавшиеся были метаморфами, но ни одному из них не удалось даже приблизиться к намеченной жертве. За всю историю Маджипура еще ни один корональ не умирал насильственной смертью – правда, до Стиамота ни один из них не воевал.

Адъютант негромко переговорил с командиром стражников, и Эремойль внезапно оказался в окружении множества вооруженных людей; сильные пальцы до боли крепко ухватили его за руки, а прямо в глаза ударили ослепительные лучи света. На мгновение он был обескуражен внезапным нападением, но почти сразу же пришел в себя.

- Что это значит? Я – капитан Эремойль.
- Если только не меняющий форму, – ответил один из стражников.
- И вы думаете, что сможете узнать это, держа меня за руки и ослепляя фонарями?
- У нас свои методы, – буркнул другой голос.

Эремойль рассмеялся.

– Ни одного, который можно было бы считать надежным. Но давайте проверяйте меня, и поживее. Мне необходимо поговорить с лордом Стиамотом.

Они и на самом деле занялись проверкой. Кто-то дал ему полоску зеленой бумаги и велел лизнуть ее языком. Эремойль послушно лизнул; бумажка окрасилась в оранжевый цвет. Кто-то еще попросил разрешения отрезать несколько волосинок с его головы, сделал это, не дожидаясь ответа, и поджег волосы. Эремойль с изумлением наблюдал за действиями стражников. Последний раз он был в лагере короналя месяц тому назад и не видел ничего подобного. Должно быть, решил он, было еще одно покушение или же приперся какой-нибудь уче-

ный шарлатан, придумавший новые, якобы безошибочные, способы проверки. Насколько было известно самому Эремойлю, отличить метаморфа, принявшего человеческую форму, от подлинного человека можно было разве что при помощи вскрытия, но он вовсе не намеревался соглашаться на эту крайнюю меру.

– Все в порядке, – наконец услышал он. – Вы можете войти.

Тем не менее стражники сопровождали его и далее. Ослепленные ярким светом глаза Эремойля с трудом привыкали к окружающему полумраку, но спустя секунду-другую он все же разглядел в глубине шатра полдюжины фигур и среди них – лорда Стиамота. Присутствовавшие, похоже, молились. Он слышал негромкие восклицания и ответы, обрывки фраз из древнего священного писания. Неужели таковы теперь штабные совещания у короналя? Эремойль прошел вперед и остановился в нескольких шагах от группы. Он узнал только одного из приближенных короналя – Дамланга Бибирунского, которого называли вторым или третьим в списке претендентов на трон; остальные, похоже, даже не были военными – пожилые люди в гражданских одеждах, судя по их виду – городские жители, больше похожие на поэтов или, может быть, толкователей снов, но уж никак не на воинов. Но ведь война почти закончилась.

Корональ взглянул в сторону Эремойля, но, кажется, даже не заметил его.

Эремойль был поражен неуверенным бегающим взглядом лорда Стиамота. За три года войны корональ заметно постарел, но сейчас этот процесс, видимо, резко ускорился – он выглядел съежившимся, бесцветным, хилым: обтянутое сухой серой кожей лицо, тусклые глаза. На вид ему можно было дать и сто лет, однако он был не старше Эремойля – человек средних лет, которому на самом деле было еще далеко до старости. Эремойль помнил тот день, когда Стиамот вступил на трон. Именно тогда Стиамот поклялся положить конец безумиям этой непрекращающейся необъявленной войны с метаморфами, собрать древних аборигенов планеты всех вместе и изгнать их с территорий, освоенных людьми. С тех пор прошло всего лишь тридцать лет, а корональ выглядел так, будто прожил едва ли не столетие. Но ведь все время своего царствования он провел на полях войны, чего не делал еще ни один корональ, властвовавший до него, и, вероятно, не сделает ни один из будущих правителей. Стиамот вел кампании в долине Глэйджа, в жарких южных провинциях, в густых лесах северо-востока, на плодородных равнинах близ залива Стойен, год за годом окружая меняющих форму силами своих двадцати армий и стогая их в лагерь. И теперь он почти выполнил свою задачу – на свободе остались только отдельные группы метаморфов в северо-западных провинциях. Долгая борьба близилась к завершению, жестокое бытие в условиях войны уходит в прошлое, и совсем скоро, ласковой весенней порой, короналю предстоит вернуться в Горный замок и наконец насладиться теми радостями, которые дает обладание троном. Пока шла война, Эремойль иногда задавался вопросом, как поступит лорд Стиамот в том случае, если понтифекс умрет и, согласно закону, короналю придется перейти на верховный престол и переселиться в Лабиринт: не решится ли он отказаться от этого и сохранить за собой звание короналя, чтобы иметь возможность оставаться на полях сражений? Но понтифекс, по имевшимся сведениям, пребывал в добром здравии, а перед ним находился лорд Стиамот, казавшийся утомленным маленьким старичком, стоящим на краю могилы. И Эремойля вдруг словно осенило – он понял то, чего не сумел постичь Айбиль Каттикаун: причину стремления лорда Стиамота как можно быстрее полностью завершить войну независимо от того, какую за это придется заплатить цену.

– Кто это там? – спросил корональ. – Финивэйн?

– Эремойль, мой властелин. Командующий отрядами, проводящими поджоги.

– Эремойль. Да. Эремойль. Я вас вспомнил. Ну, садитесь с нами. Мы возносим благодарение Божеству за окончание войны, Эремойль. Эти люди прибыли от моей матери, Хозяйки Острова, охраняющей наши сны, и мы проведем ночь в песнях восхваления и благодарности, поскольку утром огненный круг замкнется. Ну что, Эремойль? Садитесь, пойте с нами. Вы ведь знаете гимны, посвященные Повелительнице Снов, не так ли?

Эремойль слушал слабый надтреснутый голос короналя и чувствовал, что у него подгибаются колени. Этот негромкий, тонкий как нить, сухой звук – все, что осталось от некогда царственного тона верховного правителя. Этот герой, этот полубог был изнурен и сломлен долгой войной, от него уже ничего не осталось, он превратился в призрак, в тень. Увидев его в этом обличье, Эремойль спросил себя: а был ли лорд Стиамот когда-либо той величественной персоной, образ которой хранила память, или же, возможно, этот образ – лишь миф, созданный в воображении, а сам корональ всегда был куда более мелкой личностью, чем казался со стороны?

Лорд Стиамот сделал приглашающий жест. Эремойль неохотно подошел поближе.

Он думал о тех словах, которые намеревался сказать, ради которых прибыл сюда: «Мой властелин, там, на пути огня, остался человек, который не уйдет со своей земли и не позволит увезти себя силой, которого нельзя будет удалить иначе, как лишив его жизни. Но, мой властелин, этот человек слишком прекрасен, чтобы поступать с ним столь жестоко. И потому я прошу вас, мой властелин, прекратить распространение огня – может быть, применить какую-то иную стратегию, чтобы мы могли захватить метаморфов, когда они будут бежать из огненного кольца... но не позволять огню продвинуться далее той точки, которой он уже достиг, потому что...»

Нет.

Он видел, что просить короналя задержать окончание войны хотя бы на один час абсолютно бесполезно. Ни ради Каттикауна, ни ради Эремойля, ни ради священной Хозяйки Острова Сна, матери Стиамота, движение огня не могло быть остановлено, поскольку стремление короналя завершить войну было наиглавнейшей силой, перед которой не могло устоять ни одно реальное или кажущееся препятствие. Эремойль мог бы попытаться остановить огненную атаку своей собственной властью, но просить позволения у короналя бессмысленно.

Лорд Стиамот вновь повернулся к Эремойлю.

– Что с вами, капитан? Что вас гнетет? Идите, садитесь возле меня. Пойте с нами, капитан. Присоедините свой голос к благодарению.

Они запели гимн. Эремойль не знал мелодии и негромко подтягивал, стараясь попадать если не в тон, то хотя бы в ритм. Потом последовал еще один гимн и еще один; следующий оказался ему знаком, и он принялся громко и немелодично подпевать. Наверное, уже близился рассвет. Он тихонько отодвинулся в тень и выбрался из шатра. Да, солнце уже окрасило первыми зеленоватыми лучами вершину горы Хеймон с востока, хотя пройдет еще час или немного больше, прежде чем свет озарит склон горы и обреченные долины к юго-западу от нее. Эремойль с тоской подумал, как хорошо было бы заснуть на неделю. Он осмотрелся и почти сразу же увидел адъютанта.

– Не могли бы вы послать от моего имени приказ моему начальнику штаба на пик Зигнор?

– Конечно, господин.

– Передайте ему, что на него возлагается ответственность за следующий этап огненной атаки и что ему следует действовать по утвержденному мною плану. Я останусь здесь на день, немного отдохну и вернусь в свой штаб к вечеру.

– Да, господин.

Эремойль отвернулся, посмотрел на запад. Там все еще царила ночь и лишь отблески пламени, пылавшего в зоне огня, рассекали тьму. Вероятно, Айбиль Каттикаун всю ночь провозился с насосами и брандспойтами, поливая свои поля. Это, конечно, было бесполезно: огонь такой силы пожирает все на своем пути и не останавливается до тех пор, пока есть чему гореть. Значит, Каттикаун умрет, черепичная крыша его жилища обрушится... – и помешать этому никак нельзя. Его можно спасти, лишь заставив несколько ни в чем не повинных солдат рисковать своей жизнью, да и то без гарантии успеха; еще его можно спасти, если он, Эремойль, откажется выполнить приказ лорда Стиамота, но это будет не спасением, а лишь небольшой

отсрочкой гибели. Итак, он умрет. После девяти лет участия в войне, думал Эремойль, я в конце концов дошел до того, что погубил жизнь, жизнь одного из своих сограждан. Но чему быть, того не миновать. Да, не миновать.

Несмотря на невероятную усталость, он не мог заставить себя уйти и провел на наблюдательном посту еще примерно час, пока не увидел первые вспышки огня в предгорьях около Бизферна или, возможно, Домгрейва. Значит, утренняя бомбардировка зажигательными снарядами началась. «Война скоро завершится», – сказал он себе. Последние враги уже бегут к безопасному побережью. Они будут интернированы и переправлены через море, и в мире снова наступит тишина. Спиной Эремойль ощущал тепло летнего солнца, а лицом – жар разрастающегося внизу пламени. «В мире снова наступит тишина», – повторил он про себя и пошел искать место, где можно было бы поспать.

Часть III

На пятый год плавания

Эта запись сильно отличалась от первой. Она не так изумила и потрясла Хиссуна: конечно, история печальная, трогательная, но она не коснулась таких глубин его души, какие затронула сага об отношениях девушки и гэйрога. И все же он сознает, что узнал много о природе ответственности, о тех конфликтах, которые возникают в противостоянии сил, ни одну из которых нельзя назвать неправой, и о том, что представляет собой истинная стойкость духа. Также он узнал кое-что о процессе сотворения мифов – ведь во всей истории Маджипура действительно не было ни одной столь богоподобной личности, как лорд Стиамот, великий правитель-воин, сломивший силу злокозненных аборигенов, меняющих форму. За восемь тысяч лет почитания он стал объектом воистину благоговейного поклонения, фигурой, исполненной грандиозного величия и блеска. Лорд Стиамот из знакомого с малых лет мифа все так же продолжает существовать в сознании Хиссуна, но теперь ему необходимо потесниться, чтобы освободить место для Стиамота, увиденного глазами Эремойля, – того усталого, бледного, изможденного, маленького, преждевременно состарившегося человека, который посвятил всю жизнь войне и тем самым сжег дотла свою душу. Герой? Несомненно! С этим могут не согласиться разве только метаморфы. Но полубог ли он? Нет, он человек, которому не чуждо ничто человеческое, очень ранимый и донельзя утомленный. Очень важно никогда не забывать об этом, говорит себе Хиссун, и в этот момент сознает, что те минуты, которые он незаконно проводит в Регистре памяти души, дают ему истинное образование, позволяют надеяться на получение докторской степени в науке знания жизни.

Далеко не сразу он чувствует себя готовым отправиться на следующий урок. Но через некоторое время пыль с бумаг налогового архива начинает вновь просачиваться к глубинам его «я», и он жаждет приключений, подвигов. Значит, обратно в Регистр. Необходимо восстановить подлинную сущность и других легенд.

Когда-то давным-давно в море вышел корабль, полный сумасшедших, решивших пересечь Великий океан, – самая безумная из всех безумных затей, но это безумие было великолепным. Хиссун решает принять участие в этом плавании и выяснить, что же случилось с его командой. Небольшое исследование позволяет выяснить имя капитана: Синнабор Лавон, уроженец Замковой горы. Пальцы Хиссуна легко пробегают по кнопкам, указывая дату, место, имя... И вот он снова сидит в кресле, чуть настороженный, выжидающий, готовый выйти в море.

Шел пятый год плавания, когда Синнабор Лавон заметил первые пряди драконовой травы, извивавшиеся в воде рядом с бортами судна.

Конечно, он и понятия не имел о том, что это такое, поскольку прежде никто на Маджипуре ни разу не видел драконову траву. Эта отдаленная часть Великого океана никогда еще не исследовалась. Но Синнабор Лавон точно знал, что шел уже пятый год рейса, так как каждое утро аккуратнейшим образом записывал в вахтенном журнале дату и координаты судна, чтобы исследователи не утратили своего психологического настроения в этом безграничном и монотонном океане. И потому он был уверен, что этот день относится к двадцатому году правления понтифекса Дизимаула и короналя лорда Ариока и что идет пятый год с тех пор, как «Спурифон» вышел из порта Тил-омон в кругосветное плавание.

Сначала он принял заросли драконовой травы за скопище морских змей. Казалось, что ими движет какая-то внутренняя сила, крутит их, извивает, сплетает и расплетает. В толще спокойной темной воды эти заросли переливались, мерцая, богатейшим набором цветов; каждая нить сверкала изумрудными, голубыми и ярко-красными бликами. С правого борта было

видно небольшое пятно водорослей, а вдоль левого борта они тянулись по глади моря длинной и довольно широкой полосой.

Лавон оперся на перила и посмотрел на нижнюю палубу. Там возились три косматые четверорукие фигуры: скандары – члены экипажа чинили сети или притворялись, что чинят. Они встретили его появление кислыми, угрюмыми взглядами. Плавание им, как и большей части команды, уже давно осточертело.

– Эй, вы, там! – заорал Лавон. – Черпак за борт! Ухватите-ка несколько этих змей!

– Змей, капитан? О каких змеях вы говорите?

– Вон они! Рядом! Вы что, не видите?

Скандары дружно посмотрели в воду, а затем вновь перевели взгляды, на сей раз не лишённые некоторой покровительственности и победительного торжества, на Синнабора Лавона.

– Вы говорите об этой траве в воде?

Лавон всмотрелся пристальнее. Трава? Судно уже миновало первые пятна водорослей, но впереди тянулись обширные поля, и он прищурился, пытаясь рассмотреть отдельные нити в этих колеблющихся массах. Морская трава шевелилась совершенно по-змеиному. Но Лавон, как ни всматривался, не мог разглядеть ни голов, ни глаз. Что ж, возможно, это и вправду трава. Он нетерпеливо взмахнул рукой, и скандары без всякой спешки принялись разворачивать стрелу, к которой была прикреплена сеть-черпак для сбора биологических образцов.

Когда Лавон спустился на нижнюю палубу, там уже лежала кучка водорослей, а вокруг них по доскам быстро растекалась лужица; его успели опередить: возле находки столпились первый помощник Вормечт, главный штурман Галимойн, исследовательница Жоачил Нур с парой ее ученых и Микдал Хасц, летописец. В воздухе чувствовался острый аммиачный запах. Трое скандаров стояли позади, демонстративно зажимая носы, и что-то неодобрительно бормотали, ни к кому не обращаясь, но остальные смеялись, тыкали пальцами в траву, возбужденно переговаривались и вообще выглядели гораздо более оживленными, чем на протяжении нескольких последних недель.

Лавон опустился на колени перед добычей. Без сомнения, уловом на этот раз оказалась какая-то морская водоросль: каждый плоский мясистый лист в виде ленты был длиной в человеческий рост, шириной с мужское предплечье и толщиной в палец. Все это непрерывно судорожно дергалось, словно к каждой ленте было прикреплено по несколько ниточек, за которые кто-то дергал; но по мере высыхания движения с каждой секундой становились все медленнее, а яркие цвета быстро тускнели.

– Зачерпните-ка побольше, – распорядилась Жоачил Нур, обращаясь к скандарам. – Только сразу вывалите в ведро с забортной водой, чтобы подольше сохранить их живыми.

Скандары не пошевелились.

– Вонь, – проворчало одно из волосатых существ, – такая мерзкая вонь.

Жоачил Нур сделала несколько шагов в их сторону – невысокая худенькая женщина рядом с этими гигантами казалась ребенком – и сердито взмахнула рукой. Скандары, пожимая плечами, взялись за дело.

– Что вы об этом думаете? – обратился к ней Синнабор Лавон.

– Морские водоросли. Неизвестная разновидность, но так далеко в море все оказывается новым. Интересные изменения цвета. Я не знаю, вызваны ли они каким-то особым распределением пигмента или являются просто оптическим эффектом, игрой света в разделенных между собой слоях эпидермиса.

– А движения? Морские водоросли не обладают мускулатурой.

– К движению способно множество растений. Незначительные колебания электрического потенциала изменяют плотность воды, содержащейся в разных частях растения. Знаете о чувствильниках, которые растут на северо-западе Зимроэля? Они обладают способностью съежи-

ваться от крика. Морская вода – превосходный проводник, так что морские водоросли должны получать самые разные электрические импульсы. Мы внимательно изучим их. – Жоачил Нур улыбнулась. – Должна признаться, они для меня словно дар Божества. Еще одна неделя плавания по пустынному океану – и я прыгнула бы за борт.

Лавон кивнул. Он ощущал то же самое: отвратительную убийственную скуку, ужасное, гнетущее сознание того, что сам обрек себя на бесконечное путешествие в никуда. Даже он, отдавший семь лет жизни организации этой экспедиции и всей душой желавший довести ее до конца, даже он на пятый год плавания чувствовал себя парализованным апатией, скованным ею по рукам и ногам...

– А как вы относитесь к идее нынче же вечером сделать нам сообщение? – обратился Лавон к исследовательнице. – Предварительные результаты. Уникальная новая разновидность морских водорослей.

Жоачил Нур не глядя взмахнула рукой; скандары без единого слова подняли полную воды бадью с выловленными водорослями и потащили в лабораторию. Все трое биологов ушли следом за ними.

– Их хватит не только для предварительного, но и для самого подробного изучения, – заметил первый помощник Вормечт. – Посмотрите, нет, только посмотрите туда! Их там совсем немало!

– А может быть, даже слишком много, – вставил Микдал Хасц.

Синнабор Лавон повернулся к летописцу, маленькому человечку с выцветшими глазами, перекошенной фигурой – одно плечо было заметно выше другого – и хрипловатым голосом.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду забитые роторы, капитан. Если водорослей станет слишком уж много. Мне приходилось читать рассказы обитателей Старой Земли об океанах, настолько густо заросших водорослями, что суда безнадежно запутывались в них, команды питались крабами и рыбой и в конечном счете умирали от жажды, а корабли со скелетами на борту сотни лет дрейфовали по этим морским лугам...

– Фантазии. Сказки. – Главный штурман Галимойн фыркнул.

– А что, если это случится с нами? – спросил Микдал Хасц.

– Вы думаете, такая вероятность действительно есть? – поддержал его Вормечт.

Лавон не сразу сообразил, что все смотрят на него. Он вгляделся в море. Да, водорослей, похоже, становилось все больше. Впереди по курсу они формировали скопления, похожие на глубоко сидящие в воде плоты, а их ритмичные конвульсии, казалось, заставляли почти неподвижную воду пульсировать и волноваться. Но «плоты» отделялись один от другого широкими каналами. Существовала ли вероятность того, что эти водоросли смогут застопорить движение такого хорошего судна, как «Спурифон»? На палубе воцарилась тишина. Ситуация становилась почти комической: всеобщий страх перед угрозой, которую представляют собой морские водоросли, встревоженные офицеры разошлись во мнениях и спорят между собой, капитан должен принять решение, которое может означать жизнь или смерть...

Настоящую угрозу, думал Лавон, представляют не водоросли, а скука. Уже на протяжении многих месяцев плавания ничего не происходило, и пустоту однообразных дней приходилось заполнять самыми разными развлечениями, вплоть до отчаянно безрассудных. Каждое утро из-за Зимроэля поднималось неестественно огромное бронзово-зеленое тропическое солнце; в полдень его обжигающий глаз взирает прямо из центра безоблачного неба, после чего оно спускалось к немыслимо далекому горизонту... и на следующий день все повторялось без малейших вариаций. Уже несколько недель не было дождя, погода вообще не менялась. Великий океан заполнил всю вселенную. Они не видели ни клочка земли, даже вершин островов вдалеке, ни единой птицы, никаких водных животных. При такой жизни неизвестная разновидность морской водоросли показалась чудесным открытием. Безжалостная тоска по хоть

какой-нибудь деятельности разъедала дух путешественников, подготовленных и просвещенных исследователей, которые когда-то восторженно восприняли возникшую в воображении Лавона картину странствия эпических масштабов, а теперь мрачно и печально сознавали, что мгновение романтического безумия обернулось для них загубленными жизнями. Когда составлялись планы первой в истории экспедиции через Великий океан, занимавший почти половину их гигантской планеты, никто не ожидал, что она окажется вот такой. Люди грезили о ежедневных приключениях, фантастических новых животных, не отмеченных на картах необитаемых островах, им представлялись ужасные штормы, небеса, затянутые облаками пятидесяти невиданных оттенков, которые распарывают ослепительные молнии... Но только не это ужасающее однообразие, бесчисленное повторение одинаковых дней. Лавон уже начал опасаться бунта, поскольку на то, чтобы достичь дальних пределов Алханроэля, могло потребоваться еще семь или девять, а может быть, и одиннадцать лет, и он сомневался, что все члены экипажа обладают достаточной силой духа, чтобы воспринять такую перспективу.

Уже очень многим приходила в голову мысль: а не лучше ли развернуть судно и направиться обратно к Зимроэлю? Были моменты, когда даже он сам задумывался об этом. А потому... «Давайте отправимся на поиски риска, – думал он, – и, если потребуется, выдумаем его сами! Давайте бросим вызов опасности, которую представляют морские водоросли, будь она реальной или воображаемой! Угроза опасности пробудит нас от смертельно опасной летаргии».

– Мы сможем преодолеть эти заросли, – объявил Лавон. – Будем двигаться вперед.

Но не прошло и часа, как его начали одолевать сомнения. Стоя на мостике, он внимательно следил за все сильнее сгущавшимися зарослями водорослей. Островов, которые они образовывали, теперь становилось меньше, но они оказывались все крупнее, по пятьдесят и по сто ярдов в поперечнике, а каналы между ними становились все уже. Вся поверхность моря пребывала в движении, плавно волновалась и словно бы поеживалась. Под жгучими лучами стоявшего почти в зените солнца водоросли обрели более богатую цветовую гамму, с невероятной скоростью и резкостью меняли оттенки, как будто прямо на глазах набирали энергию от солнца. По проливам во множестве перемещались какие-то существа: огромные многоногие твари, похожие на крабов с округлыми узловатыми зелеными панцирями, и гибкие змеевидные животные, передвигавшиеся рывками, словно кальмары, в погоне за какой-то еще живностью, слишком мелкой для того, чтобы Лавон мог разглядеть ее с капитанского мостика.

– Может быть, изменим курс, – нервно предложил Вормечт.

– Стоит подумать, – ответил Лавон. – Я пошлю впередсмотрящего, чтобы он попробовал узнать, насколько далеко тянется это безобразие.

Изменение курса даже на несколько градусов несколько не привлекало его. Его курс был определен, его решение было давно принято, но он опасался, что любое отклонение окончательно уничтожит его все более и более слабеющую уверенность. И все же он ни в коей мере не был одержимым лишь одной своей идеей, маньяком, стремящимся вперед, не думая об опасности. Суть в том, что он отчетливо сознавал, с какой легкостью экипаж «Спурифона» растеряет то небольшое, что еще оставалось от воодушевления и энтузиазма, вызванных грандиозностью предприятия, за которое они взялись.

Маджипур переживал свой золотой век – время героических личностей и величественных свершений. Исследователи проходили повсюду: по выжженным солнцем пустыням Сувраэля, лесам и болотам Зимроэля, девственным просторам Алханроэля, по окружавшим эти три континента архипелагам и отдельным островам. Население быстро увеличивалось, поселения превращались в города, а города – в огромные столицы, с соседних планет прибывали в поисках удачи поселенцы, принадлежавшие к нечеловеческим расам... Мир Маджипура волновался, менялся, рос во всех отношениях. И Синнабор Лавон выбрал для себя самый безумный подвиг из всех: пересечь Великий океан на корабле. Никто и никогда еще не предпринимал подобной

попытки. Из космоса было хорошо видно, что вода занимает половину поверхности гигантской планеты, что континенты, несмотря на свои колоссальные размеры, стеснились в одном полушарии, а весь остальной мир являет собой пустынный океан. И хотя с тех пор, как люди приступили к колонизации Маджипура, прошло уже несколько тысяч лет, на суше все время находилось очень много дел, и Великий океан был предоставлен самому себе – да еще армадам морских драконов, которые в своих миграциях, растягивавшихся на десятилетия, неустанно пересекали его с запада на восток.

Но Лавон был влюблен в Маджипур и мечтал о том, чтобы заключить весь этот мир в объятия. Он пересек его от Амблеморна, находившегося у подножия Замковой горы, до Тиломона, лежавшего на другом берегу Великого океана. И теперь, движимый неодолимой потребностью замкнуть круг, вложил все свои средства и энергию в оснащение этого величественного корабля, гордого и независимого, как остров, на борту которого вместе с подобными ему безумцами, составлявшими команду, намеревался провести десять или даже больше лет, исследуя неведомый океан. Он знал, и, вероятно, его спутники тоже, что поставленная задача может оказаться невыполнимой. Но если они добьются успеха и благополучно приведут свой корабль в гавань на восточном побережье Алханроэля, куда со стороны океана не входило еще ни одно судно, то их имена будут жить вечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.